This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

891.78
L6
1879
v.2

РМОНТОВЪ.

A 472028 DUPL

1817
ARTES VERITAS SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE
GIFT OF
ALFRED C. FINNEY
B.S. 1904

FROM THE LIBRARY OF
YRON A. FINNEY, A.B., 1871
EFERENCE [redacted] 1891-1916

Lermontov, Mikhail Iurevich

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЛЕРМОНТОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

Центральный книжній магазинъ для славянскихъ странъ.

1862.

Gift of A. C. Finney
4-11-41

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы — вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ-думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Уже ль я для него писалъ?
Уже ли важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;

[redacted]

4

Принесть тебѣ лишь можетъ онъ
Любимые труды свои.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ — ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей,
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И Муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежитъ тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!...

1830.

ВА ПОСВЯЩЕНІЯ КЪ ПОЭМѢ „ДЕМО

I.

Прими мой даръ, моя Мадонна!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,

Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
Взоръ не откроетъ ничего:
Ты неспособна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!

Скажи ли? — преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я — тебѣ.

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на̀ сердцѣ моемъ.

Теперь, ка̀къ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

II.

[кончилъ, — и въ груди моей невольное сомнѣнье:
метъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ, —
ховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье, —
я, забывчивый но незабвенный другъ?

робудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
, *быстро пробѣжавъ* докучную тетрадь,

Ты только мертваго, пустаго одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать.

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившій столько лѣтъ, —
И примешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

1830 — 1831.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ ДЕМОНЪ.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На Сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

* * *

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

* * *

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ,

Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю
Все о тебѣ мечтаю и пою.

1840.

ПЕРВЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

1-ое посвященіе.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья не забылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстной,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна,
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна —
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она.

2-ое посвященіе.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей

Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно,
И юныхъ, гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я;
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!...

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ,
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ
Когда глядѣлъ на славу Бога
Не отвращаясь отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...*
. . . . . .
Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто... какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣлъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ

---

* Далѣе у Лермонтова слѣдуетъ изложеніе сюжетной. — Потомъ продолжаются стихи.

Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?...

„Демонъ влюбляется въ смертную, и она его наконецъ любитъ, но Демонъ видитъ и ангела-хранителя и отъ зависти и ненависти погубитъ ее. Она умираетъ. Душа улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой.“*

Угрюмо жизнь его текла
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды,
Ему желанья были чужды,
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался.
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму,
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ, не могъ онъ быть доволенъ.
Все горько сдѣлалось ему,
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ не вѣря ни чему
И ничего не признавая.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,

---

* *Слова Лермонтова.*

Одинъ чернѣетъ пень горѣлый.
Сраженъ стрѣлою громовой,
Онъ прямо высится главой,
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый.
Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря.
Одинъ безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины,
И зритъ, чернѣетъ подъ горой
Стѣна . . . . . .
И башенъ странныя вершины;
Межъ низкихъ келей тишина;
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
. . . . . .
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій —
Все оживилось въ немъ, — и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

ОНА.

О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?

Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть.
Кто ты?... Мольба моя напрасна...
Чего жъ ты хочешь?

Д.

Ты прекрасна.

ОНА.

Кто ты?

Д.

Я демонъ. Не страшись...
. . . . . .
И о спасеньи не молись!
Не искусить пришелъ я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

1829.

ВТОРОЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

Cain. Who art thou?
Lucif. Master of spirits.
Cain. And being so, canst thou
Leave them and walk with dust?
Lucif. J know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with y

Cain. Are ye happy?
Luc. We are mighty.
Cain. Are ye happy?
Luc. No; art thou?...

3.*

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій;

---

* Первая строфа отъ стиха:
Печальный Демонъ, духъ изгнанья

Все оживилось въ немъ опять;
Но что жъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ, если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучь случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный.
Людскаго счастья тайный воръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
. . . . . .
. . . . . .
Но гдѣ же звуки? гдѣ же та
Къ которой сильная мечта

до стиха:

Представить не имѣлъ онъ силы

вся вошла въ новый очеркъ. Потомъ, все написанн прозой, а также стихи

Любовь забылъ онъ навсегда...

до стиха:

Коварство, зависть и вражда

выброшены. Потомъ первая строфа продолжается пр веденными выше стихами, съ нѣкоторыми поправка

Во второй строфѣ, послѣ стиха;

Слеза свинцовая катится.

приписано:

Понынѣ воздѣ кельи той
Насквозь прозженный видѣнъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Нечеловѣческой слезой.

Съ третьей строфы, почти все вновь написано потому *передаемъ* вполнѣ послѣдующій разсказъ.

Его влечетъ?... Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ,
И пѣсню горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольцы мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза . . . сіяли...
Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что̀ дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена.
Межъ-тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ: ему любить
Недолжно сердце допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою.
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною).
. . . . . .
. . . . . .*
Онъ искусить хотѣлъ — не могъ,
Не находилъ въ себѣ искусства;

---

* Точки въ подлинникѣ.

Забыть — забвенья не далъ Богъ,
Любить — недоставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты
И чуждыя понынѣ муки!
Такъ, Демонъ, слыша эти звуки
Земную страсть отвѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ-быть,
Она твоею жертвой будетъ.*
И удалиться онъ спѣшитъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладитъ ничего.

---

* Эти стихи написаны вмѣсто слѣдующихъ, зачеркнутыхъ:

Онъ былъ бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей,
Страшилищемъ нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой Демонъ, волею свободный,
Летучій направляетъ бѣгъ —
Прочь, прочь отъ міра, гдѣ впервые...

4.

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный,
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ . . . . . преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ о ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ. *

* О семьѣ Гудала, о свадьбѣ его дочери, объ убійствѣ [illegible]иха, какъ читатель видитъ, и намека нѣтъ. Четвертая строфа, здѣсь приведенная, написана уже послѣ воначальной, зачеркнутой, которая была слѣдующая:

Но кто жъ она? Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ;
Иль это добровольныя плѣнъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одеждъ
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ея
Старушка чуждая качала...
Но это ль бѣдное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли — о томъ узнать
Никто не думалъ испытать.

5.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ . . . . . гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья.
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, неѣзжалый путь.
Когда мятель гудитъ и свищетъ
Онъ охраняетъ прошлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто, поднимая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любитъ онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И *невозвратно* улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ Демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну . . . . . .
И башни бѣлыя . . . . . .
И подъ рѣшетчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ. И кругомъ
Обходитъ Демонъ, но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ.
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ-будто бы онъ тамъ погубитъ
Что на минуту отдалъ рокъ...
. . . . . .
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

ПѢСНЬ.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ:
Я напрасно старалась узнать.
Быть-можетъ, то было во снѣ...
Ахъ! всю жизнь такъ нельзя ли мнѣ спать?

Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней,
. . . . . .
. . . . . .

Виновна я быть не должна,
Я горю не любовью земной;
Чиста, какъ мой ангелъ, она,
Мысль о немъ неразлучна съ тобой!

Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ —
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Онъ въ сладкомъ снѣ
Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
Звѣзда
Надеждъ въ иной странѣ.
Моей виной,
Создатель мой,
Любовь къ нему не можетъ быть:
Любить приказано тобой!

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный,
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, Демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви — могильный сонъ

изъ груди разбитой
вышелъ наконецъ,
яростью облито,
о, какъ свинецъ.
остановилась
ѣ. Сведенный перстъ
, хоть взоръ отверзтъ:
ничего не отразилось,
зрѣнья — но къ чему?
лося ему?

8.

икъ рая, ангелъ нѣжный,
дымной, бѣлоснѣжной,
блистающимъ челомъ,
. . . . прекрасной,
га съ улыбкой ясной
ъ ее крестомъ.
ливы, святы, оба!
, ненависть и злоба
демонской душой.
лъ твердою стопой.
лъ. Сколько чувствъ различныхъ
нихъ лѣтъ ему привычныхъ,
сснятся! Сколько думъ
безпокойный умъ!
погибнуть надо.
адитъ онъ вновь.
— прежная любовь
для нея оградой!...

9.

лко! онъ уже хотѣлъ
тасенья возвратиться,

Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть
Внушилъ бы Демонъ сожалѣнье,
И благодатное прощенье
Ему бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
. . . . . .
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ, черныхъ думъ.
Онъ образъ смерти принимаетъ,
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но что жъ? Очей тѣхъ пламень — ядъ.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его . . . . . младая:
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя,
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10.

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ,
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ...

ОНА.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.
Къ чему-жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

ДУХЪ.

Ты прекрасна.

ОНА.

Кто ты?

ДУХЪ.

Я демонъ. Не страшись
. . . . . .
И о спасеньи не молись.
Не искусить пришолъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозныхъ злыхъ духовъ;
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:

Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
. . . . . прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь.
. . . . . .
Такъ говорилъ онъ и рукою
Онъ трепетную руку жалъ
И поцалуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня.

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темно-сѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
. . . . . .

Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокій храмъ;
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастно
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты.
Уста закрытыя безцвѣтны.
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой.
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной,
Незнавшей власти надъ собой.
За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала:
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая
Шептала дѣва молодая:
„О, Демонъ!... о коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...

Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!"
Но кто безжалостный злодѣй,
Тогда не понялъ старецъ честный,
И жизнь . . . . . мой
Осталась людямъ неизвѣстной.
Но говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальный,
И хоръ раздался погребальный,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ-тѣхъ-поръ промчалось много лѣтъ.
. . . . . .
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертвой бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ,
Большой паукъ, пустынникъ новый.
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ — и покой.
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее; — но нынче ни чему

Нельзя встревожить тишину. —
Чтò можетъ падать, тò упало,
Чтò мретъ, то умерло давно;
Что живо, то безсмертно стало;
Но время вживѣ удержало
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія, какъ ленъ,
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья легкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечми сіяли.
. . . . . .
И былъ небесный сводъ надъ нимъ,
Украшенъ радугой цвѣтистой,
П волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ,
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый,

И съ непонятною тоской,
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ — и мнилось,
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась.
Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженья,
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья,
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья. —
Онъ близъ могилы промелькнулъ
И взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

ЭПИЛОГЪ.

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;*
Но для чего живу, страдая?
Про это больше знаетъ Онъ.

Какъ Демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ Демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой:

Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

1830.

---

* Строфа, неоконченная и перечеркнутая авторомъ.

ТРЕТІЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

По голубому небу пролеталъ
Однажды Демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ,
И вспоминанья передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ и, наконецъ,
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно, въ блескѣ вѣчно-молодомъ.

Какъ было въ тотъ святой вселенной часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ... одинъ... одинъ...
Врагъ счастья и порока властелинъ.

Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но, пускай!

скресивъ душевной чистоты,
: найдешь потерянный свой рай!
сно обращенъ преступный взоръ
беса: ихъ свѣтъ — тебѣ укоръ.
дь гордъ, старайся мстить, живи
о жъ? и зло не радуетъ тебя?

асто, очень часто людямъ онъ
вал ъ. У нихъ надежда есть
купленье, на могильный сонъ.
къ несчастья легче перенесть
палящей капли адскихъ мукъ.
ность (это слово, этотъ звукъ,
ый значитъ все) — имъ не страшна.
вѣчность для рабовъ не создана!

ъ мыслилъ Демонъ. Медленно крыло
аяся на землю, разсѣкалъ
оздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ:
ій день, краснѣя, догаралъ.
ія и волны вѣтеркомъ
мы, негрѣющимъ лучомъ
ь зажжены. Туманъ сырой
поднимался надъ землей.

ко крестъ пустынный, наконецъ,
на горѣ, едва вдали
.. и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
чь. Въ молчаніи текли
ба въ этотъ мирный часъ,
молчаньи есть понятный гласъ:
ь пророчествуетъ онъ.
и луна. Повсюду сонъ.

ти прекрасная луна!
итъ шаръ твой золотой:

Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты — памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ!

Всевышній произнесъ свой приговоръ,
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ,
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила — Богъ съ тобою!
О, нѣтъ! я бъ не рѣшился проклянуть!
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья,
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь — и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ,
Веселой мигъ тебѣ дороже!
Будъ счастлива несчастіемъ моимъ

, услыхавъ, что я страдаю,
ы не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости! — вотъ все, чтó я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучить себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

• 1831.

1829.

ПИРЪ.

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнъ черёмухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ,
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца;
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и она;
А снѣдь — кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

ПОРТРЕТЪ.

Онъ не грасивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ:
И на челѣ оставилъ рокъ,

Средъ юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смолъ, черны,
Блѣдны всегда его уста;
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лѣютъ безъ словъ языкъ боговъ!...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще, вновь
Клянетъ онъ міръ — гдѣ вѣчно сиръ —
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ, сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!

КЪ ГЕНІЮ.

Когда во тмѣ ночей, мой не смыкаясь взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ, прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!... „Люблю!“
Твержу забывшись имъ. Но полный весь тоскою
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ счастье вѣдалъ я —и сладкій мигъ исчезъ,

Какъ гаснетъ блескъ звѣзды надучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній,
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда, —
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой молодой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья...
...И я приду сюда, и не узнаю васъ
О, струны звонкія! . . . . . .
. . . . . .
Но ты забыла, другъ, когда, порой ночной
Мы на балконѣ томъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я подъ длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою слонялъ —
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ —
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ...
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня съ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!...
Забудь! пускай другой твою украситъ младость!
Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,
Хранители души, останьтесь вѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ, милыхъ лѣтъ!

ПИСЬМО,

Но ты не плачь: мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать...
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья,
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И вспыхнетъ огнь на дѣвственныхъ ланитахъ,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ...

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

1.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье;
Я цѣпью ихъ связалъ между собой,
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!...

2.

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,

Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...

3.

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной —
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ!...

КЪ ***

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной:
Но я теперь какъ нищій сиръ,
Брожу одинъ, какъ отчужденный!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И — пропасть подъ ногой скользящей!...

КЪ N. N.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной — все то же,
Чтб черпать воду рѣшетомъ: —
Отъ сихъ троихъ избавь насъ Боже!

КЪ ГР..НОВУ.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель —
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ, коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ: —
Вѣдь музы — женщины, итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

ДВА СОКОЛА.

Степь, синѣя, разстилалась
Близъ азовскихъ береговъ;

Западъ гасъ, и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
„Братецъ, братецъ, что̀ ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!“
— Ахъ! я свѣтъ позненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
„Что жъ ты видѣлъ тамъ худаго?“
— Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ — смѣхъ тоска милаго,
Для дѣтей — тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!...
Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!
„Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена;
Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной —
Ножъ для сердца вѣковой!“

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСН

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристалъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день...

МОЙ ДЕМОНЪ.

Собранье золъ — его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ.
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,

Онъ презрѣлъ чистую любовь.
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

ПРЕСТУПНИКЪ.

„Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной;
Чай прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ?
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!“

— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ;
Она — красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна.
Но вдругъ увидѣла другаго,

Не стараго, а молодаго
Лишь первая проходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!...
. . . . . .
Пиры, веселья забывая
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ чашу наполняя
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!...
Богъ-вѣсть: меня она любила,
Иль это былъ притворной жаръ.
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ.
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ. Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя.
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчева бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести,
И гнѣвъ отца!... За ворота
Бѣжалъ я, сирый, одинокій,

И обратившись, бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!...
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безъименной брегъ,
Всегда покрытой табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышенныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины,
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею.
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ...
. . . . . .
. . . . . .

Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ, властями недовольный,
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ.
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ — лихой
На поцалуи сладострастья.
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!...

Придетъ ли ночь и мракъ печальный,
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальный
Летитъ па тройкѣ почтовой.
Раздастся выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной,
Ударъ губительный и вѣрный!...
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ — подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ,
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же роется могила?
На чьивъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други
Это мой отецъ!...
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ, потомъ, очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ.
Гляжу, сырой еще бугоръ,
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ!...
. . . . . .
. . . . . , ...

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ.
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха,
Не могъ я спать, мечтались мнѣ:
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!...

Исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья
И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу: раздраженный жидъ,
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шолкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ —
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!...
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пѣни
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ ту же самую весну,

Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ:
То я увидѣлъ на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій.
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...

Бѣгутъ года, умчалась младость
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки:
Любовь къ свободѣ золотой,
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ,
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

МОНОЛОГЪ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Однообразное ея теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой.
Средъ бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

МОЛИТВА.

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю.
За то, что рѣдко въ душу входитъ

Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей,
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ —
Къ Тебѣ жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшнымъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень —
Всесожигающій костеръ,
Преобрази мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ,
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь:
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

1830—1831.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. В . . . . . й.

Тебѣ — тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и — тобой.

Я дни мои влачу тоскуя
И въ сердцѣ образъ твой храня,
И объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцалуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза — дочь небесъ,

Гдѣ все обильно, кромѣ счастья:
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догарастъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была,
Люблю тебя, страна Востока! —
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его объятья
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались — сладостный удѣлъ.
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;

Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ. — Почему жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцалуй его — проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да вороны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами
На немъ пещера есть одна —
Жилище змѣй — хладна, темна,
Какъ умъ обманутый мечтами;
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада — мѣсяцъ полный,
Съ ней говорятъ морскія волны,
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.
Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьмы и небомъ былъ гонимъ.

Онъ могъ быть счастливъ, — но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ — самъ не былъ лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ,
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ — и людей —
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она — хоть презрѣна — все богъ;
Одно сокровище — святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ;
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что жъ? всегда ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямаго стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій, —
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ — Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая;
Все страстно въ ней, и грудь, и станъ,
Глаза — два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей

Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. — Зораимъ
Любилъ — съ тѣхъ поръ, какъ былъ люб
Судьбина ихъ соединила,
А разлучить — одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
Съ свѣздами дальними сіяетъ,
Лучомъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню — въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ. —
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ си
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полуоткрытый.
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ ненужно намъ.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ — колѣнопреклоненный,

Тоской очаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ея не грѣетъ.
„Но смерть“, онъ мыслитъ, „не близка!
„Рука — не жизнь; болѣзнь простая —
„Все не кончина роковая!“
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ;
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачь любви — и слабый стонъ,
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцалуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады!
Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ... .
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой,
Скажу ли? — даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима,
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.

И онъ не плакалъ. Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ, — и какъ не знать? —
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!...*

И Ангелъ мыслью пораженъ
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душею ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ:
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть — не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно,
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.

---

* Мѣсто нѣсколько разъ перечеркнутое въ рукоп
о и осталось неотдѣланнымъ, какъ и многія др
рофы ниже.

Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои, —
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла, —
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
„Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить:
Я воленъ — но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь? — давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ,
Я не вздрогну — я выпить радъ:
Не всѣ ль блаженства — лишь отравы?
Когда-нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...
Скажи, уже ль одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ покойну быть? — о, нѣтъ!...
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами

Стоятъ два грозные царя;
И завтра только-что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ, — нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ одну оставлю честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но еслибъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?... слезы, слезы?
О чемъ же плакать, ангелъ мой?" —
И Ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
„Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ? —
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна, —
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.

Волна — твой образъ, мой — цвѣтокъ.
Ты грустенъ — я грустна съ тобою.
Какъ знать? быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счасливый для насъ!"

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ?
Зачѣмъ? Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Иныхъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день какъ ночь спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагрить не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны!
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе, — и сразились;
И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье — царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ
Съ успѣхомъ равнимъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа; и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не-хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела. —
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младаго,
И шумно навзничъ онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный крикъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
Высоко перси подимая,

Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полные печали...
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой? —
И Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки — путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ,
Не вѣдалъ ты, что ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье. — Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты;
Возможно ль! Ангелъ красоты —
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?...
Она глядитъ и ждетъ... но чтó же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! Гдѣ ангелъ утѣшенья?
Гдѣ вѣстникъ рая молодой? —
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!...
Ужъ солнце низко — Ада ждетъ...
Все тихо вкругъ... Онъ все нейдетъ...

Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину.
Идетъ межъ труповъ чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея полнуется душа.
Она предчувствовать страшится,

И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
— И вотъ недвижна! Такова
Была бъ лилѐя надъ могилой!
Гдѣ Зораимъ? — Чтó, если онъ
Убитъ? — Но чей раздался стонъ?
Кто этотъ, раненный стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ? —
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ? — Свершилось! — Зораимъ.

„Ты здѣсь? теперь? — и ты ли, Ада?
О! твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ? — Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишная любовь
Вела сюда — чтó пользы въ этомъ?...
Лишь я хотѣлъ увидѣтъ кровь
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья.
Никто — я самъ тому виной...
Я гибну! — Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку,
Не бойся крови, дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой. —
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова,
И даже — на груди другаго
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?

„Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ;
О, еслибъ, еслибъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую въ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ.
О, кто бъ подумалъ, какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бъ сегодня рокъ жестокій
Не обманулъ надеждъ моихъ!...
Еще въ странѣ моей родной
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ —
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье торжествуя,
Но...“ Тутъ, какъ арфы дальній звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцалуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна какъ всегда,

И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что̀ на землѣ онъ озаряетъ:
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать;
Все, все, что̀ можетъ онъ сказать —
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незванный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвѣ милой,
Привсталъ — и вздрогнулъ — и вздохнулъ —
— И умеръ. Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго видѣнъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ. —
Тамъ все, что̀ онъ любилъ земнаго,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она;
За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.
Все тотъ же онъ — и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка, и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: „состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье — наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть.
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели — пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...“
Такъ думалъ онъ — зачѣмъ же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ;
Какъ мечъ — его пронзаетъ взоръ;
Его привѣтственныя рѣчи
Тревожатъ насъ какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцалуй его — проклятье!...

1830.

* * *

Настанетъ день, и міромъ осужденный
Чужой въ родномъ краю,
. . . . . .
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что̀ смерть? лишь ты не измѣнись душою —
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю... единою слезою
Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ

Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К...Д...

Будь со мною, какъ прежде бывала;
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ — оно оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
Въ очахъ — то она упадетъ.
Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.

О, повѣрь мнѣ! холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодаго
Ядовитое жало змѣи!

ПѢСНЯ.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.
Что̀ за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокій
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

СИЛУЭТЪ.

Есть у меня твои силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, что тотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
Зато онъ вѣчно близь меня
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа — твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

Я не люблю тебя: страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.

Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ!

ДОДО.

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ талисманѣ стихъ небрежный,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ человѣка —
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за тучъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ — угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено. —
Кто не знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ, иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву, и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей,
А я, въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ,

И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та жъ луна...
Свой взоръ склонивъ ко мнѣ, она,
Казалось, упрекнула въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспаривать у ней!

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
Тò безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть подъ нимъ ужъ бури нѣтъ!...
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечняго недуга
Не могла ты утаить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ!...
. . . . . .
Какъ ты хорошъ! бывало жду, когда,
Настанетъ вечеръ; сяду у окна.
И мимо ты идешь, бывало... да
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ...

Печать презрѣнья на моемъ челѣ;
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что̀ добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ — не безчестье, но позоръ?...
Родителей не знала я своихъ,
Воспитана старухою чужой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана мужчинѣ... ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня. —
Съ-тѣхъ-поръ я гибну, гибну день отъ дня.
Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать...

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламенъ,
Ненуженъ въ-мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя!
Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи бывало...
Дождался наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.
И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ зàмка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

КЪ * * *

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай: мы чужды съ этихъ поръ.
Ты забыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возневавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Кáкъ знать, быть можетъ, тѣ мгновенья,
Чтò протекли у ногъ твоихъ
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ

Я далъ бы міру даръ чудесный
А мнѣ за то безсмертье онъ?...
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ!
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебя я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

Какъ лучъ зари, какъ розы Лоля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ!
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сомнетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

РОМАНСЪ.

Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ.
Однажды на чело ея слетѣлъ небесный громъ
И раздвоилъ ее ударъ, — и новою тропой
Между разрозненныхъ камней течетъ потокъ сѣд
Вновь двумъ утесамъ не сойтись — но все они хра
Союза прежняго слѣды — глубокихъ трещинъ р
Такъ мы съ тобой разлучены злословіемъ людски
Но для тебя я никогда не сдѣлаюсь чужимъ,
И мы не встрѣтимся опять, и если предъ тобой
Меня случайно назовутъ, ты спросишь! кто такої
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никакъ изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ — минуты преж
дней

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

. . . . . .
. . . . . .
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои.

Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И нетревожимый ничѣмъ,
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ,
Мы брань ихъ смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ!...

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

From Burns: Ae fond kiss.

Еслибъ мы не дѣти были,
Еслибъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались: —
Мы съ страданьемъ бы не знались,

ЭПИТАФІЯ.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ столько зла извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

ЭПИТАФІЯ.

Простосердечный сынъ свободы,
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ;
И вѣрныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ томнымъ предсказаньямъ,
И талисманамъ, и любви,
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.

И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей,
Онъ умеръ... Здѣсь его могила;
Онъ не былъ созданъ для людей.

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.

Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однако же, хоть день, хоть часъ,
Желалъ бы больше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла:
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ,
Язвительной жестокой укоризны: —
Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, чтó въ сердцѣ возродила ты,
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

У вратъ обители святой
Стоялъ — просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою.

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду — истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы лучшихъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ:
„Я не могу любить другой!“
Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?

Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ-быть и въ небесахъ?

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ни чью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказалъ:
Увы! то были не мечты,
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.

Исписанъ онъ твоей рукой
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ, — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

КАВКАЗЪ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

аденческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
ось, что въ розовый вечера часъ
повторяла мнѣ памятный гласъ.
люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

тливъ былъ съ вами, ущелія горъ,
гъ пронеслось, все токую по васъ.
тѣлъ я пару божественныхъ глазъ, —
лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

---

30 ГОДА, ІЮЛЯ 15. МОСКВА.

семьи родной безвѣстный кругъ
лъ? Все сердце грѣло тамъ,
мнѣ наставникъ или другъ.
ло младенческимъ мечтамъ.
асы плѣняли юный духъ!
рвался на волю къ облакамъ!
обзать уста друзей былъ я,
трѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя.

общество иное я вступилъ,
юдей и дружескій обманъ,
дозрителенъ и погубилъ
ти душевной талисманъ.
кто теперь не говорилъ:
тъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ

Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.
Но эту грудь, страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно ли любить?
Страшусь, въ объятья дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ отравить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть,
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда бъ я зналъ, не могъ бы беренесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавшій тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ;
Что жъ? нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользнетъ онъ вдоль стѣны.

НЕЗАБУДКА.

СКАЗКА.

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, чтó въ наши дни,
(Коль въ мірѣ есть любовь) любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ-нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной.
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей.
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла
Полна невинной простотою,
Бесѣда мирная текла:

„Другъ, не клянися мнѣ напрасно,“
Сказала дѣва: вѣрю я,
„Ясна, чиста любовь твоя,
„Какъ эта звонкая струя,
„Какъ этотъ сводъ надъ нами ясный;

„Но какъ она въ тебѣ сильна —
„Еще не знаю. Посмотри-ка,
„Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика...
„Но нѣтъ, гвоздика не нужна;
„Подалѣе, какъ ты унылый,
„Чуть видѣнъ голубой цвѣтокъ...
„Сорви же мнѣ его, мой милый —
Онъ для любви не такъ далёкъ!“

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей пригнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ — цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать послушною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья —
Какъ вдругъ подъ нимъ (ужасный видъ!)
Земля невѣрная дрожитъ, —
Онъ вязнетъ... нѣтъ ему спасенья!
Взоръ кинувъ полный весь огня,
Къ своей красавицѣ безгласной: —
„Прости... не позабудь меня“ —
Воскликнулъ юноша несчастный,
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной,
И, сердца пылкаго въ залогъ,
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ —
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, близи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья...

Вотъ повѣсти конецъ моей.
Судите: быль иль небылица?
А виновата ли дѣвица —
Сказала вѣрно совѣсть ей. *

---

* Съ рукописи автора дополнено.

1835.

БОЯРИНЪ ОРША.

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one l
And to the earth she fell like s
As statue from its base o'erthr

Byron.

Во время она жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша. — Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо — наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день воскресенія Христа
Поцаловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

„Надежа-царь: пусти меня
На родину — я день отъ дня
Все старѣ, даже не могу
Обиду вымѣстить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
Пусти меня! мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ
Онъ догніетъ и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился — тамъ умру!"

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ рисѣ дорогой
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу —
И запестрѣлись на полу
Узоры шелковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ божій даръ — младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былаго памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,

Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ.
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!...

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою клучей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
„А завтра быть грозѣ большой!"
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой.
„Смотри-ка, молнія въ дали
Такъ и доходитъ то земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ будто звѣрь.
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня —
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для родимаго отца!"
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.
Все въ домѣ спитъ — не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча

Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ —
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска;
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И — странно — Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой:
Но тутъ, онъ свиснулъ, и взошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: Скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну."

П на скамью присѣлъ Соколъ
И рѣчь такую онъ завелъ:

„Жилъ былъ за тридевять земель
„Въ тридцатомъ княжествѣ отсель

„Великій и премудрый царь.
„Ни въ наше времячко, ни въ старь
„Никто не видывалъ пышнѣй
„Его палатъ, и много дней
„Въ весельи жизнь его текла
„Покуда дочь не подросла.

„Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
„А дочь — не прочный, вѣдь, товаръ!
„Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
„Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
„И на его царевну-дочь,
„Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
„И цаловать красотку могъ
„Лишь перелетный вѣтерокъ.
„И царь тотъ раза три на дню
„Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
„Но вздмалъ вдругъ онъ въ темну ночь
„Взглянуть, кàкъ спитъ младая дочь.
„Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
„Сапожки шелковые снялъ,
„И вотъ приходитъ въ башню ту
„Гдѣ скрылъ царевну — красоту!...

„Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
„Дочь сладко спитъ, но не одна;
„Припавъ на грудь ея главой
„Съ ней царскій конюхъ молодой.
„И прогнѣвился царь тогда,
„И повелѣлъ онъ безъ суда
„Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
„И въ сине море укатить...“

И быстро на устахъ раба —
Какъ-будто тайная борьба
Въ то время совершилась въ немъ —
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,

Вздохнулъ и смолкъ. „Ступай Соколъ!“
Махнувъ дрожащею рукой
Сказалъ бояринъ: „въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!“

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ,
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому
Что вѣрилъ нѣкогда всему!

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча,
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;
На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ —
И мимо; но послыша стукъ
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,

И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку, и думаетъ старикъ:
„Нѣтъ! непорочна дочь моя.
А ты, Соколъ; ты рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намёкъ
Получишь гибельный урокъ!“
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ!...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

О! погоди Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня — и мигъ со мной?...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Не плачь... утѣшься! — близокъ часъ —
И будетъ міръ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы однѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ — ты помнишь — какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской невольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,

Придумалъ я свой край родной
На вѣкъ оставить, но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя — и я богатъ!..."

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцалуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...
Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились — и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко на цвѣтной коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ

И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увели
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленомъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все спало снова крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

Народъ кипитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ.
Межъ нихъ стремянный молодой
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ звеня
Стремена бьюуся о бока;
Истертъ ногами сѣдока
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ сѣрый аргамакъ,
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая, бѣла
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ,
Съ желѣза падаетъ на прахъ.
Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Ботъ слышно пѣнье — изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Во слѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ:
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ

Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной грѣшной головой!

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ,
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь свѣтлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу,
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ —
Искусства горестный удѣлъ!...

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподнимались слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?...
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса;
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,

Летала ласточка — то внизъ,
То вверхъ подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись, на небо стрѣлой
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,

Но это блескъ былъ — не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они! — Взошли! — Толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью вериги,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ что божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ.
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святого чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смутясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ бояринъ головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ,

Укоръ готовый на устахъ
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
„Безумный, бренный сынъ земли!
„Злой духъ и страсти привели
„Тебя медовою тропой
„Къ границѣ жизни сей земной.
„Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
„Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
„Простить не можетъ судъ земной,
„Но въ небѣ есть судья иной:
„Онъ милосердъ, ему теперь
„При насъ дѣла свои повѣрь!“

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ — благодарю.
Не понимаю, что̀ была
У васъ за мысль? Мой дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И еслибъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Когда бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебя явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,

Рѣшился бъ также согрѣшить,
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенесть бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое мученье, мой позоръ!...

ОРША.

Не поминай теперь о ней,
Напрасно! — у груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!...
Но ты заплатишь мнѣ теперь;
За хлѣбъ, за соль мого теперь
За сердце жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй —
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ

Ты правъ: — не знаю, гдѣ рожденъ!
Кто мой отецъ и живъ ли онъ.
Не знаю... люди говорятъ
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ,
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя — судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ: „отецъ и мать!"
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,

А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что̀ славно было бъ въ немъ,
Облить и кровью и стыдомъ.
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!...
— Нѣтъ, не грози отецъ святой:
Чего боятся намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все ль равно, что̀ день, что̀ годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ;
Ты въ рай, я въ адъ — но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя
Два раза былъ свободенъ я,
Послѣдній нынѣ. — Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на пышныя поля,
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы!
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда столпясь, при алтарѣ
Вы ницъ лежали на землѣ,
При плескѣ молній роковыхъ
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ.
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ и ночь,
Забылъ печали бытія
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшеннымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О, старецъ! что средь этихъ стѣнъ

Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЪ.

Начтò намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать? — Отецъ святой
Вотъ что умертъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну — не мою,
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ —
Я не признаюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему? ужъ близокъ твой конецъ,

Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай,
И вѣчность въ томъ или въ другомъ!

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь — ничего, а вѣчность — мигъ!

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя — божья казнь!
Молись Ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
Не говори, что божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:

Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоитъ — и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь!...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ — зналъ ли ты
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?...
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ — я также могъ бы жить!...“

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой,
И слово пытка, тамъ и тамъ
Въ мигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ.
Безчувственно внималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увяснувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина.
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
И сквозь него высокій боръ
Разсыпанный по скату горъ
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря,
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ бошнятъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звукъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...

Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ,
Отцу игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро — тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: „Гдѣ же казначей?
Поди спроси его скорѣй
Не затерялъ ли онъ ключей!“
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что все ключи еще при немъ,
Что невиновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!...

Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптаный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ,
И польскій шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.
Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

„Бѣжалъ! — Но кто жъ ему помогъ?
„Конечно, люди, а не Богъ!...
„И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
„Знать, точно онъ большой владѣй!“
Такъ, собираясь межъ собой
Твердили иноки порой.

ГЛАВА III.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ — и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ:
Да иногда во тьмѣ ночной,
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна;
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить ножи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ, на пиръ мечей!
Садится Орша на коня,
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ поскакали на коней,
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ
Возвелъ глаза — не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ;
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка,
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ матъ качаетъ колыбелъ,
Поетъ гульливая мятель!...

Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней
Обломковъ копій и мечей
Въ то тремя всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня,
До гривы чернаго коня,
То вдругъ приставъ на стременахъ...
Кто жъ онъ? не русскій! и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня!
Чела крутаго смуглый цвѣтъ,
Глаза въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли бъ увѣрить васъ
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ.
Но, разсмотрѣвъ его черты,.
Не чуждыя той красоты
Не выразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что̀ есть добра и зла
Въ душѣ прикованной къ землѣ
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздохнувши всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ

Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
Обезображенныхъ мечемъ
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ-будто бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьѣ говорилъ:
„Вотъ мѣсто — мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!...
Здѣсь, сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась — каждый разъ
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь.
Четвертый взмахъ я долго ждалъ!
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хоть бъ желалъ!...
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: это онъ!
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:

„— И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ
И это блѣдное чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній! — Такъ, я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою.
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой
Которыми, ты, можетъ быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой билъ
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!...“

— „Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь,
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ давно,
А кѣмъ и какъ — не все ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отъищу я дочь твою?

Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцалуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти поклялся я!“ —

— „Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ!
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ какъ мертвецъ!“
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой,
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ!

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ, мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ.
Прощая — не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ

Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ!...

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Ему вонзилъ — и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко. — Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись; яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней. —
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ;
Подъ сѣнь деревъ въ ѣзжаетъ онъ.
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдаго дня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клевъ
О сучья жесткія деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей..!
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путёмъ

Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ, въ раздумье погруженъ,
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня. — Въ глубокой снѣгъ
Онъ вязнетъ часто .. труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь,
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой,
Лишъ домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ!...

Онъ въѣхалъ на широкой дворъ:
Все пусто... будто гладъ иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь.
Онъ входитъ въ домъ — въ покояхъ ночь:
Закрыты ставни; полъ скрипитъ,
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой, бѣлой полосой,
Рисуясь на печи большой,

Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей!
И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ.
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь — но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ,
И, вынувъ ножъ изъ кушака
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И затрещавъ, распался тотъ...
И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой
Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчеьыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.

Арсеній голову склонилъ..
Но вдругъ затрясся, отскочилъ.
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою ..
Увы! теперь онъ былъ бы радъ.
Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ!...

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой!
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ!

„Такъ вотъ все то, что я любилъ,
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ее,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И, какъ укоръ передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ!
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ — то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ.
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

„Да, я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путёмъ...
Разлуки первый, грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ!
О, еслибъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной —
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ среди святыхъ
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!...
Что безъ нея земля и рай? —
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ — безъ божества!...

„Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! — куда? не все ль равно;
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ, съ тоской во тмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!...“

1830—1831.

Въ верху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Меня зоветъ.
Таковъ же былъ
Тотъ свѣтлый взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ далекъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ.

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Таитъ отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.

Быть-можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: онъ правъ!
Быть-можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близь дороги столбовой
Пришельца памятникъ могильный.

БОРОДИНО.*

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали

* Первый очеркъ стихотворенія отдѣленнаго въ 1 году.

Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
„Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика какъ пѣснь свободы!“
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
„Ребята, не Москва ль за нами!
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И мы погибнуть обѣщали.
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули.
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали —
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: „помилуй Боже!“
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.

Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

1831 ГОДА, ІЮНЯ 11.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ, —
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,

Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что онѣ? — А есть
У нихъ и надо мною власть; и мнѣ онѣ
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой
Я смерти отдалъ все, что даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что проклиналъ отецъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережитъ одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7.

Такъ и ея созданье. Иногда,
На берегу рѣки, одинъ, забытъ
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой;
И я глядѣлъ и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣевалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда бъ я могъ
Забыть, что незабвенно... Женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новыхъ мукахъ: но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ; и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но уже ль она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ — ей все равно?

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой;
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ — и снова въ облакѣ укрытъ,
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?...
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ — и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить, какъ я — порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она

Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая! — Любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить не могъ меня обманъ.
Пустое сердце было безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ молода
И зелена, и взоры веселитъ
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихръ: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша

обѣдимой, много зла
; готова, хоть могла
стье тысячи людей:
ной ты богъ, или злодѣй.

16.

нлись всегда пустыни мнѣ;
еръ межъ нагихъ холмовъ,
ъ небесной вышинѣ,
ѣ тѣни облаковъ.
тъ рѣзвый здѣсь табунъ;
ый тѣшится летунъ
і, и облако степей
къ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

вѣчности, какъ великанъ,
а поражаетъ вдругъ,
безбрежный океанъ
ъ глазами; каждый звукъ
ленной, каждый часъ
ки радости, для насъ
онятенъ, и себѣ
ожемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

ылъ вершины дикихъ горъ
кій часъ, когда садится день,
ѣтило видитъ взоръ
; близкой ночи тѣнь.
ь, уступы и кусты,
горы чудной высоты,

Какъ послѣ бури облака стоятъ
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ
И сильно бьется, пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь минувшаго скелетъ
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣ
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Чтó на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ!
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близь небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

кизнь скучна, когда боренья нѣтъ,
вшее проникнувъ — различить
ало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
и не будетъ веселить.
но дѣйствовать, я каждый день
ымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
героя, и понять
у, что значитъ отдыхать.

23.

кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
ь умѣ. Желанье и тоска
ъ безпрестанно эту грудь.
ъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
юсь, что не успѣю я
чего-то. Жажда бытія
льнѣй страданій роковыхъ,
резираю жизнь другихъ.

24.

ремя, леденѣетъ быстрый умъ;
рки души, когда предметъ
мраченъ; усыпленье думъ;
остью и горемъ полусвѣтъ:
а собою стѣснена,
навистна, но и смерть страшна, —
корень мукъ въ себѣ самомъ
винить нельзя ни въ чемъ.

25.

остоянью этому привыкъ,
ыразить его бъ не могъ

Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ торочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ отъ того.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому счастливый данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ, —
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не успѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна,

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей.
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей.
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ.
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;

Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

29.

. . . . . Созданье есть одно:
Способное любить, хоть не меня;
. . . . . Не вѣритъ мнѣ оно:
Однако, сердце полное огня
Не увлечется мнѣньемъ и мое
Пророчество припомнитъ умъ ея,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

. . . . . Меня могила ждетъ
. . . . . .
На дикомъ берегу ревущихъ вотъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Крутомъ. Лишь чужестранецъ молодой
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго и, какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду не привелъ? —
Онъ былъ ея достоинъ. И печаль

Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ;
И бѣлый парусъ и бѣгучій челнъ,

32.

И мой курганъ! — Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ, — только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильнѣе,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

Привѣтсвую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя, столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ свое паденье!

М. Ф. М.....вой.

Любилъ съ начала жизни ея
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцалуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты,
Съ людьми и съ буйными страстями;

Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному сремился;

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды,

Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И, въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру, я сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ, печальной цѣли.

СМЕРТЬ.

Погаснулъ день! И тьма ночная своды
Небесные какъ саваномъ покрыла.
Кой-гдѣ на немъ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша;
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все — и я одинъ лишь не спалъ.
Одинъ я не спалъ... Страшнимъ полусвѣтомъ,
Межъ радостью и горестью сердечной,
Мое тѣснилось сердце — и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ объ убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!...

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься,
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,

И все трещало подъ его ногами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный. — Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило — единый,
Единый смертный видѣлъ, что не дай Богъ,
Созданію живому видѣть...
И вотъ онъ поднялъ костяныя руки —
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему — и мнѣ они знакомы были —
И кинулъ взоръ на нихъ я — и заплакалъ!
И странный голосъ вдругъ раздался: „малодушный
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ — я здѣсь: я смерть!...
Мое владычество безбрежно!...
Вотъ твое. Ты ихъ знаешь — ты родилъ ихъ...
Одинъ изъ нихъ богибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь —
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь —
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди
Его рожденіе — только Богъ лишь вѣченъ. .
Рѣшись, несчастный!...“
Тутъ невольный трепетъ по мнѣ мгновенно нача
разливаться
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,
Къ скелету я воскликнулъ: „оба! оба!...
Я вѣрю: нѣтъ свиданья — нѣтъ разлуки!...
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми, земнаго червя —
И, землю раздроби, гнѣздо разврата,
Безумства и печали!...
Все, все беретъ она у насъ обманомъ.
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...

Проклятье этому подарку...
Мы безъ него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ — и всюду опасенье.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!...
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!..."

И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили — ихъ не стало —
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!...

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ — нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они:
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ. Станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь,
Приличья цѣпи не сожмутъ,

И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не пролѣютъ!...

Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. И мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ.

(ЖИЛИЩЕ НИКОНА.))

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой,
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ;
Но колоколъ, растреснувшій, молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братію...
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленныя ставни и кругомъ
Высокая полынь — все, все безъ словъ,
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ

. . . . . .

Таковъ старикъ подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ

Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ,
Тѣнь юношей, которыхъ пережилъ.

ПРОСТИ.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ.
Моя молитва будетъ тамъ,
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Кровавыхъ капли слезъ порой
Не могутъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!...

Уста молчатъ, засохъ мой взоръ.
Но подавили грудъ и умъ
Непроходыхъ мукъ соборъ,
Съ толпой неусыпимыхъ думъ.
О страсти не жалѣю вновь;
Лишь знаю я — и могъ снести —
Что тщетно въ насъ жила любовь —
Лишь чувствую: прости! прости!

ЖЕЛАНІЕ.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ, въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ,
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пылъ съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О! зачѣмъ я не воронъ степной'...

СВ. ЕЛЕНА.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій,
Гдѣ часто въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила! —
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы Великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства,
И рока прихоти слѣпой
Погибъ, какъ жилъ — безъ предковъ и пото:
Хоть побѣжденный — но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было ч
День возвышенья и паденья часъ!

КЪ ДРУГУ В. Ш.

„До лучшихъ дней!“ передъ прощан
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!...

Мой милый! не придутъ они,
Въ грядущемъ счастія такъ мало!...
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое безполезно намъ —
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,

Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекій
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходитъ сонъ прекрасный
Ужъ просыпается оно!

1.

Опять народные витіи,
За дѣло падшее Литвы,
На славу гордую Россіи
Опять шумя возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

2.

Что это: вызовъ ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,
Безсилья злобнаго порывъ
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго невидно
За солнцемъ русскаго царя!

3.

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните, грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

4.

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда;
Такъ нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньемъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!

5.

. . . . . .
. . . . . .

6.

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

Какъ небеса твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой,
Какъ поцалуй звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.

* * *

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ,
Я радъ отдать красавца сѣчи —
Грузинскій мой булатъ...

* * *

И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ
И въ сердцѣ кровь кипитъ.

* * *

Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!

Она поетъ — и звуки таютъ,
Какъ поцалуи на устахъ;
Глядитъ — и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли — всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово — всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

---

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ, —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,

Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ.
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ — или никто!...

7-го АВГУСТА. ВЪ ДЕРЕВНѢ.

листая, пробѣгаютъ облака
голубому небу. Холмъ крутой
нимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
итъ внизу по камнямъ съ быстротой
а холмѣ пришелецъ молодой,
ернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
ъ старою березой. Онъ молчитъ
рудь его подъемлется порой,
блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
о онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? — О, нѣтъ?

нъ смотритъ вдалъ: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
я и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
ть дубраву, или по кустамъ
сѣянныя сосны. Міръ, какъ садъ
тетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
лекнувшіе листья — жалокъ міръ!
немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,

И люди всѣ къ ничтожеству спѣшать
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. — О, когда бъ одно „люблю“
Изъ устъ прекрасныхъ могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все бъ въ новый блескъ одѣлось! — такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

АТАМАНЪ.

1.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Бѣжитъ толпа удальцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззащитныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой,
На лодкѣ плывутъ,
И веслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.

2.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;

Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна — онъ молчитъ;
И краса молодая
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молитъ она:

3.

„Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой.
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ,
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ.“

4.

„Горѣ дѣвицѣ лукавой!
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ;
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть,
Все знаю!... и опять не могу я,
Дѣвица, любить!...

5.

„Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!... лекарство то — месть!
На что же я здѣсь атаманъ?

И заплачу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой!...
И смягчишь ли меня ты, дѣвица,
Своею слезой?"

6.

Горе тебѣ, гроза-атаманъ!
Ты свой произнесъ приговоръ.
Среди пожаровъ ограбленныхъ странъ,
Ты забудешь ли пламенный взоръ!...
Остался ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою;
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?

7.

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

ИСПОВѢДЬ.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить
Хоть самъ того не испыталъ,
Чтобъ могъ монахъ не лицемѣрить

И жить, какъ клятвой обѣщалъ;
Что поцалуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лечитъ отъ страданья,
Что міръ для счастья сотворенъ,
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!...

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

ЧАША ЖИЗНИ.

1.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омрачивъ края
Своими же слезами.

2.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ.

3.

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ — мечта,
И что она — не наша!

КЪ Л***

(ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ.)

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей,
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ;
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

ВОЛЯ.

Моя мать — злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ — судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена —

Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня —
Мать, отецъ и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ —
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой —
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ — необъятное!

Мятель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ —
То отголосокъ похоронъ.

То звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ — вѣсть, живымъ — укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще новыхъ первый часъ!...

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ,
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, чтó не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства,
Не должно вѣчно было знать?

Но чувство есть у насъ святое —
Надежда, Богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ — какъ знать?
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье ложное, какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? Что душа
Не смотритъ изъ живыхъ очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ? чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно;
И скоро все поглотитъ, и тогда
Узнаю я спокойствіе, оно
Навѣрно много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
За то безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже — если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ: средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей
На вѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ — и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

СТАНСЫ КЪ Д***

1.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другаго!

2.

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, уже ль они искали
Свой рай въ тебѣ одной? — едва-ли?

3.

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя бъ то было предъ судьбою!

4.

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

5.

Улыбку я твою видалъ;
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей — такъ думалъ я сначала —
Подобной нѣтъ; но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

6.

Я видѣлъ ихъ, и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась;
Она принадлежала мнѣ.

Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ — мнѣ больше, чѣмъ родное.

7.

Когда бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно — цвѣтокъ уединенья.

8.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда, въ бесѣдкѣ одинокой,
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бъ не взялъ вѣчность.

9.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА.

(Н. И. Б — ВУ.)

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

КЪ БУХАРОВУ.

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ.
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

* * *

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Какъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя!

* * *

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

* * *

Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣёшь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда-нибудь.
Но невиновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что, получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщенныхъ красотой;

И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

ОДИННАДЦАТАГО ІЮЛЯ.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечеромъ свѣтило
За снѣжной цѣпію холмовъ,
Краснѣя ярко, заходило,
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье:
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады? —
Нѣтъ, только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья

РОМАНСЪ КЪ***

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?...
О, будь!... о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!...

---

* * *

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:

Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу — природа молодѣетъ,
Но молодѣть лишь только ей:
Ланитъ покойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА.

Ты понималъ, о, мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивлялъ Байронъ,
Я вижу, ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ, тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ?
Но никогда великой тайны

Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

. . . . . .

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ неволя и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ — волнъ холоднѣй!

---

* * *

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку гонишь прочь печаль;

Что бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они все тѣ же! — я не тотъ;
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило?
А что жалѣетъ, то живетъ?

СМЕРТЬ.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одно лишь въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцалуютъ здѣсь моихъ ланитъ,

сожалѣнью чуждыми руками
ь сырую землю буду я зарытъ.
ой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
о ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ,
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душею бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

1832.

МОРЯКЪ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны;
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны!
О дѣтствѣ говорить не стану:
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно, земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И, какъ змѣю, мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ,
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!

Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ —
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра бой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой ударена!...
Безумны были эти лѣта!
Но что жъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найдти
Любовь и душу на пути?..
Всѣ чувства тайной мукой полны —
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны!...
Иль сердце женщинамъ дарилъ!..
Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все однѣ!...
Я обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы, —
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ разволоченныя гривы,

И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну,
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихрёмъ! сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я, въ ужасѣ, Творца молилъ,
Чтобъ океанъ, мой побѣдилъ!...

(*Si transit gloria mundi*).

ЛИТВИНКА.

ПОВѢСТЬ.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья ликъ?
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ,

И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспоривать не смѣлъ
Еще никто; — онъ больше не хотѣлъ!
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда;
Богатый въ мирѣ, сильный на войнѣ,
Когда къ нему являлися они —
Онъ убѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ,
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть можетъ, самъ того не зналъ.
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?
На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ и бѣжалъ литвинъ;
И часто стоилъ войска онъ одинъ!!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ
Краснѣлъ рубецъ, литовской сабли слѣдъ.

. . . . . .

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ-будто міра мрачное чело
Его любви достойно! Наконецъ
Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
Горы высокой, теремъ озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;

Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
Чуть поднималъ отцовское копье...
Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ.
Безмолвная подруга лучшихъ дней —
Разстроенная лютня передъ ней,
И по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя...
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи, голубыя какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ.
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ родина! пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
Тамъ вольны дѣвы! Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: хочу любви твоей!...
. . . . . .

И опустѣлъ его высокій домъ,
И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрыпнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ.
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ.
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ! Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все, какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ;
И раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,

Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна, — нескромная луна! —
Есть монастырь и тамъ въ недѣлю разъ
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ...

АУЛЪ-БАСТУНДЖИ.

(ОТРЫВОКЪ.)

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ брошенныхъ грозой!

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ,

И въ знойный, лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ по волѣ;
И безъ оглядки съ пикой за спиной
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерная заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ, пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзвяся, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой о немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?"

КАЛЛЫ.*

ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ.

(ОТРЫВОКЪ.)

„Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты — божій гласъ:
Клянись имъ слѣдоватъ душою.
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдатъ законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на землѣ орудье мщенья,
Палачъ, — а жертва: Акбулатъ.
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ! —
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой:
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства,
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!

* Убійца.

Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный — и поди!"

Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
И, чуждый страха, онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся — своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной...

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ, посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ —
Она поетъ о солнцѣ Юга...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
воимъ горамъ я путникъ не чужой;
гѣ меня въ младенчествѣ носили

И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья, — и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые,
Какъ стражи откликаются ночные!
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ.
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ какъ цвѣты небесъ и рая! —
Въ вечерній часъ, дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ;
Лиловыя, съ багряными краями
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный зàмокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,

Другъ черезъ друга, свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
Ихъ Богъ — свобода, ихъ законъ — война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье.
Тамъ за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ чеченецъ
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ;
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбэка,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою
И, не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ!
И подъ столѣтней, мшистою скалою

Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился!
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ!

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальній:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною;
Пускай его не внемлютъ, до конца
Я доскажу! Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла.
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!..

VI.

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ* день встаетъ,
А за крутымъ Бешту** садится,
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли;
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный:

* И ** Двѣ главныя горы.

Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

VII.

Не все судьба голубитъ насъ:
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды, — солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща жены близъ мужей,
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что взять съ собою не могли.
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле;
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ — не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Мухаммеда? прорицанье?
О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный;
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть...

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы...
И пятый годъ ужъ настаетъ,
А кровь джяуровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
(Его слѣдовъ невидно нынѣ),
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой,
Ужъ Росламбэкъ съ бреговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ...

X.

Въ тотъ самый годъ осеннимъ днемъ
Между Желѣзной и Змѣиной,*
Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,

* Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту.

Цвѣтущей узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило:
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ —
Чего-то, мнится, не находитъ,
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ, —
Все пусто! Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? — нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой:
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой,
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ,
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ.
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся — онъ черкесъ!
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ!
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у бреговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ,
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII

Какъ наши юноши, онъ молодъ
И хладенъ блескъ его очей.
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ, но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ.
Пусть будетъ это сердце камень —
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ.

XIV.

И все прошедшее явилось
Какъ тѣнь умершаго ему!
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть и какъ и почему!
Онъ въ поле выѣзжалъ пустое —
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ — что такое?
Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ,
Жилецъ ущелій и стремнинъ
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
И вотъ съ винтовкой безъ штыка
Въ кустахъ онъ видитъ казака;
Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ

И чистымъ русскимъ языкомъ:
„Казакъ! скажи мнѣ“ вопрошаетъ,
„Давно ли пусто здѣсь кругомъ?“ —
— Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ! —
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
Тому сегодня пятый годъ! —

XV.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою
Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку казака! —
Увы! свершилось наказанье,
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
Лежитъ насмѣшливый казакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный,
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.
Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали
Какъ лезвее кровавой стали
Глаза его, — и въ этотъ мигъ
Душа и адъ — все было въ нихъ!
И наконецъ съ улыбкой злобной
Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ: —
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь!
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутаго
Катился, но изъ устъ — ни слова!

XVI

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится!

XVII.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть...
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми.
И путникъ мнитъ: „Недалеко:
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко!“

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны какъ мечты,

То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ!
Они надъ путникомъ смѣются.
Они едва мѣняютъ цвѣтъ!
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй, —
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй,
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись;
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло:
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился
Межъ скалъ незыблемыхъ одинъ.
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ, міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ!

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины.
Лучомъ зари освѣщены,
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталь кольчуги иль копья,
(Когда забыты послѣ бою
Онѣ на полѣ роковомъ),
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокій
Одѣлся буркою широкой:
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась, вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ. Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ

Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ. — (Слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной).
Въ недоумѣньи надъ скалой
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: вдали пустой
Трепещетъ огонекъ, и снова
Садится на коня лихаго.
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельи томъ;
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя.
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено —
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой.
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. „Великій Мухаммедъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.

Кто здѣсь“ — Я странникъ! былъ отвѣтъ, —
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Бкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ, привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, былому;
Проходитъ непримѣтно часъ —
Они сидятъ, и въ первый разъ
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
(Такъ было небомъ суждено)
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ.
При нихъ молчитъ еще кручина

И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья:
Живетъ добычей вся семья!
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять — имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любаго уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая!

XXV.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, движеньи черныхъ гласъ —
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ,
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою

Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей!
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый —
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ что было,
И заблужденью онъ повѣритъ вновь!

XXVI.

Нѣжна, какъ пери молодая
Созданіе земли и рая,
Мила — какъ намъ въ краю чужомъ,
Межъ звуковъ языка чужаго,
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно мила,
Какъ древле узнику была,
На сумрачномъ окнѣ темницы,
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ, — ужъ вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала! —
Она понравиться желала, —
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо

Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйдти хотѣла, и не знала,
Идти ли? — Грудь ея, порой,
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ;
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ,
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ — ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ; —
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились.
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились, —
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ!...

XXVIII,

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ;
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей, —
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье;
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ — такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой недовольно
Остатковъ юности своей, —
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ!
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечитъ край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни.
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго въ слѣдъ
И мыслитъ: „Нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья!
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится
Ей ждать нельзя, она умчится!

XXX.

„Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цаловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?“
. . . . . .*

XXXI.

Пора! яснѣетъ ужъ востокъ;
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.

* *Точки въ подлинникѣ.*

На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ
Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жъ коня ему подводитъ?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
„Твой конь готовъ! моей рукой
„Надѣта бранная уздечка,
„И серебристой чешуей
„Блеститъ кубанская насѣчка,
„И бурку черную ремнемъ
„Я привязала за сѣдломъ.
„Мнѣ это дѣло вѣдь не ново.
„Любезный странникъ, все готово!
„Твой конь прекрасенъ; не страшна
„Ему утесовъ крутизна;
„Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
„Въ немъ дикость гордая видна,
„И лоснится его спина,
„Какъ камень, сглаженный потокомъ,
„Какъ уголь взоръ его блеститъ,
„Лишь наклонись — онъ полетитъ;
„Его я гладила, ласкала,
„Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
„Отъ вражьей шашки и кинжала
„Въ степи глухой, въ недобрый часъ!

XXXIII.

„Но погоди въ стальное стремя
„Ступать поспѣшною ногой:
„Послушай, странникъ молодой
„Какъ знать? быть можетъ, будетъ время
„И ты на милой сторонѣ
„Случайно вспомнишь обо мнѣ;
„И если чаша пированья
„Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
„То не ласкай воспоминанья,
„Гони отъ сердца поскорѣй;
„Но если мысль родится,
„Но если образъ мой приснится
„Тебѣ въ страдальческую ночь, —
„Услышь, услышь мое моленье:
„Не презирай то сновидѣнье,
„Не отгоняй тѣ мысли прочь!

XXXIV.

„Пріютъ нашъ малъ, зато спокоенъ;
„Его не тронетъ русскій воинъ,
„И что имъ взять? — пять, шесть коней,
„Да наши грубыя одежды?...
„Повѣрь ты скромности моей,
„Откройся мнѣ, куда надежды
„Тебя коварныя влекутъ?
„Чего искать? — останься тутъ,
„Останься съ нами, добрый странникъ!
„Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
„Ты отъ земли своей отвыкъ,
„Ты позабылъ ея языкъ.
„Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
„И что тамъ ждетъ тебя? — не знаю.

„Пусть мой отецъ твердитъ порой,
„Что безъ малѣйшей укоризны
„Должны мы жертвовать собой
„Для непризнательной отчизны, —
„По мнѣ отчизна только тамъ,
„Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

XXXV.

„Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
„Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
„Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ, —
„Послушай, — часъ одинъ, не болѣ
„Пробудь, жестокій, близъ меня!
„Я покормлю еще коня,
„Моя рука его отвяжетъ,
„Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
„А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
„Главу мнѣ на руку склони:
„Твоихъ рѣчей услышать звуки
„Еще желала бъ я хоть разъ;
„Не удержу, вѣдь, счастья часъ,
„Не прогоню, вѣдь, часъ разлуки?...
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся — испугался,
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

— „Не обвиняй меня такъ строго!
Скажи, чего ты хочешь — слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ!
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня хоть мало любитъ
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ,
Щадить — мнѣ власти не дано!
И не простаго человѣка
(Хотя въ одеждѣ я простой) —
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Рослаубэка!
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ! — Прости! прости!“

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подков
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ сл
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность унесъ съ собою.
О, Зара! Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; — гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другаго
Все, что прошло, ты оживляешь снова!...
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,

Гдѣ скрылася любви ея звѣзда,
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ, и ждетъ его она —
И постепенно вѣтромъ разносимый
Все ближе, ближе топотъ — и все мимо!...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь — и близокъ онъ — и вдругъ погасъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! — волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргана землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный народъ

гроилъ свой, — и ждалъ мгновенья,
ршить придуманное мщенье;
отовилъ дерзостный набѣгъ
сбирались потаенно,
князь, лукавый Росламбэкъ,
і передъ русскими смиренно,
тѣмъ съ отважною толпой
разорялъ во тьмѣ ночной;
гясь въ аулъ, на пиръ кровавый
никовъ дрожащихъ приводилъ
ъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
рубилъ имъ для забавы.

III.

ародомъ править, если онъ
щей страстью увлеченъ;
о только слишкомъ завлекаться,
мъ гордиться, или съ нимъ равняться;
о мыслей открывать своихъ,
шивать у подданныхъ совѣта
ть, что лучше горъ златыхъ
ска и слова привѣта! —
первымъ быть вездѣ, всегда;
йся, будь въ пирахъ умѣренъ,
і суевѣрій никогда
ъ толпой умѣй быть суевѣренъ;
сначала много успѣвать,
народъ къ побѣдамъ пріучать,
слабости своей онъ признавался,
ждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
ь тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
лъ нуждою принужденья;
ажно пользоваться всѣмъ,
си никакъ вознагражденья! —
ебенокъ: — онъ не хочетъ дать,
ійся вырвать, — но украдь!

IV.

У Росламбэка братъ когда-то былъ;
О немъ жалѣютъ шайки удалыя,
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужія!
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ.
Его баюкалъ бури вой мятежный.
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза.
Въ пещерѣ темной, гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бэй-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ,
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ!

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рож,
Онъ душу не обрадовалъ ни чью,
И, хоть невинный началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не знавалъ.
Не у груди, подъ буркою согрѣтый, —
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ.
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,

пишь орлы, да скалы величавы
нимъ раздѣляли юныя забавы.
; для великихъ созданъ былъ страстей,
, обладалъ пылающей душою,
ури Юга отразились въ ней
всей своей ужасной красотою...
къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
ъ той поры извѣстья нѣтъ о немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь, въ лѣтній день, въ полдневній жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ, сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе,
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы!...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; — но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему ненуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ — онъ пѣвецъ!
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

IX.

„Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
„Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
„Съ ними жить завидна доля, —
„Но еще милѣе воля!
„Не женися, молодецъ,
„Слушайся меня:
„На тѣ деньги, молодецъ:
„Ты купи коня.

*

„Кто жениться захотѣлъ,
„Тотъ худой избралъ удѣлъ:
„Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ,
„Отчего? — жена заплачетъ!
„Не женися, молодецъ,
„Слушайся меня:
„На тѣ деньги, молодецъ,
„Ты купи коня.

*

„Не измѣнитъ добрый конь:
„Съ нимъ — и въ воду и въ огонь:
„Онъ, какъ вихрь въ степи широкой,
„Съ нимъ — все близко, что далеко!
„Не женися, молодецъ,
„Слушайся меня,
„На тѣ деньги, молодецъ,
„Ты купи коня."

X.

Откуда шумъ? кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три уздеия за ними въ слѣдъ
„Великъ Алла и Мухаммедъ!“
Воскликнулъ князь. „Сама могила
„Покорна имъ! Въ странѣ чужой
„Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
„Вы узнаете ль Измаила?...
„Между врагами онъ возросъ,
„Но не призналъ онъ ихъ святыни,
„И въ наши синія пустыни
„Одну лишь ненависть принесъ!“

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, вѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ жъ Росламбэкъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода? —
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ

Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла? —
И что же вышло? — Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ, — и, властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ!
Ей все плѣнительно, что ново!
„Простынетъ“ мыслитъ Росламбэкъ.
Не если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ:
Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война!... знакомый людямъ звукъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя черезъ Кавказъ пустинный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена,
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана, —
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!...
„Смотри, какъ всякій биться радъ
„За дѣло чести и свободы!...
„Такъ точно было въ наши годы,
„Когда насъ велъ Ахматъ-Булатъ!“
Съ улыбкой гордою шептала

Между собою старики:
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки...

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего.
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна.
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный,
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему!

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той;
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой.

Къ аулу нѣтъ пути инаго;
И мыслятъ горцы: „Врагъ лихой!
„Тебѣ могила ужъ готова!“
Но прямо врагъ идетъ на нихъ
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
— И Росламбэкъ совѣтъ сзываетъ;
Онъ говоритъ: Въ тиши ночной
„Мы нападемъ на ихъ отряды,
„Какъ упадаютъ водопады
„Въ долину сонную весной...
„Погибнутъ молча наша гости
„И ихъ разбросанныя кости,
„Добыча врановъ и волковъ,
„Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
„Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
„Начнемъ о мирѣ договоръ,
„И въ тайнѣ мѣстію кровавой
„Омоемъ долгій нашъ позоръ.“

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ!
Окинулъ въ мигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
„Я не разбойникъ потаенный;
„Я видѣть, видѣть кровь люблю:
„Хочу, чтобъ мною пораженный
„Зналъ руку грозную мою!
„Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
„И даже болѣе чѣмъ ты;
„Но подъ покровомъ темноты

„Я чести князя не унижу!
„Иную месть родной странѣ,
„Иную славу надо мнѣ!...“
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча узденн;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ — всѣ еще молчали...

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебѣ злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.
Здѣсь три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда надменный съ новыхъ скалъ
Стрѣлой пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ, ни кустами
Не заростаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,,
Она ведетъ Богъ-вѣсть куда!
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмѣлемъ и плющемъ
Лежитъ, полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышетъ,
Росу съ могучитхъ плечъ стряхнетъ,

И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ, — и вотъ онъ мчится,
Терновъ колючихъ не боится
И хмѣль коварный грудью рветъ, —
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ невримая рука
Царя лѣсовъ остановляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой,
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склонаяя,
Лежитъ поодаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Идти за нимъ — но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
лись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
міръ такъ юнъ, природа такъ богата;
люди, люди — что природа имъ? —
а успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
ъ клевета и зависть — все надъ нимъ!
узей улыбка, нѣжное свиданье,
что бъ другой Творца благодарилъ,
то ему дается въ наказанье...
для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
ваютъ люди: чувства — имъ страданья...
бъ самовластье показать свое,

Она, порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но горный камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами! —
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ — и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но часто обвиняетъ, потому,
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

„Безсмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый молвой,
Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ.
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ, — и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой.
Ты жмешь ей руку, грудь и плечи
Цалуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ — все передъ тобой какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться!...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?“
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.

ругъ выстрѣлъ, два, и много: онъ вскочилъ,
слушаетъ... но все утихло снова.
говоритъ онъ: „это сонъ больнаго!“

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится,
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что же? призракъ видитъ онъ:
Передъ огнёмъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу:
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
— Чего ты хочешь отъ меня:
„Гостепріимства и защиты?“
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ: —
„Свой путь въ горахъ я потерялъ,
„Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
„И казаковъ моихъ убили,
„И вѣрный конь подъ мною палъ.
„Спасти, убить врага ночнаго
„Равно ты можешь. Не боюзь
„Я смерти: грудь моя готова.
„Твоей я чести предаюсь!“
— Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь: садись и грѣйся. —

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была.
Свѣтила на небѣ блистали.

Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты;
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
— Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнулъ гнаться; ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
Не бойся, говори смѣлѣй;
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?

XXII.

„Ты ошибаешься, черкесъ!"
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
„Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
„И водопадъ, и темный лѣсъ;
„Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
„Встрѣчая пышную зарю,
„И ваше племя я люблю;
„Но одного я ненавижу:
„Черкесъ онъ родомъ, не душой,
„Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой, —
„Себѣ, иль князю Измаилу
„Клялся я здѣсь найти могилу...

„Къ чему опять ты мрачный взоръ
„Мохнатой шапкой закрываешь?
„Твое молчанье мнѣ укоръ;
„Но выслушай, ты все узнаешь...
„И самъ досадой запылаешь...

XXIII.

„Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
„Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ;
„Но, недовольный между нами,
„Родными бредилъ онъ полями,
„И все черкесъ въ немъ видѣнъ былъ.
„Въ пирахъ и битвахъ отличался
„Онъ передъ всѣми! томный взглядъ
„Восточной нѣгой отзывался:
„Для нашихъ женщинъ въ немъ былъ ядъ!
„Воспламенивъ воображенье,
„Повелѣвалъ онъ безъ труда,
„И за проступокъ наслажденье
„Не почиталъ онъ никогда;
„Не знаю, было то презрѣнье
„Къ законамъ стороны чужой,
„Или испорченныя чувства...
„Любовью женщинъ, ихъ тоской
„Онъ веселился какъ игрой;
„Но избѣжать его искусства
„Не удалося ни одной.

XXIV.

„Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
„Свободы нѣжныхъ дочерей;
„Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
„Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
„Ты не любилъ! Ни словъ опасныхъ,

„Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
„Кудрями дѣвы золотыми
„Ты въ упоеньи не игралъ;
„Ты клятвамъ страсти не внималъ
„И не былъ ты обманутъ ими...
„Но я любилъ! судьба меня
„Блестящей радугой манила,
„Невольно къ безднѣ подводила...
„И ждалъ я счастливаго дня!
„Своей невѣстой дорогою
„Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
„Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
„И съ райской дѣвой забывать,
„Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
„И вдругъ ударилъ страшный часъ —
„Причина долголѣтней муки;
„Призывъ войны, отчизны гласъ,
„Раздался вѣстникомъ разлуки.
„Какъ дымъ разсѣялись мечты...
„Тотъ день я буду помнить вѣчно...
„Черкесъ! черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
„Ни съ кѣмъ не разставался ты?...

XXV.

„Въ то время Измаилъ случайно
„Невѣсту увидалъ мою,
„И страстью запылалъ онъ тайно.
„Межъ тѣмъ, какъ въ дальнемъ я краю
„Искалъ въ бояхъ конца, иль славы,
„Сластолюбивый и лукавый,
„Онъ сердце дѣвы молодой
„Опуталъ сѣтью роковой.
„Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
„Къ себѣ довѣренность вселять,
„Насмѣшкой скромность побѣждать,
„И, побѣждая, видъ покорный

„Хранить — иль весь огонь страстей
„Мгновенно открывать предъ ней!...
„Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
„Ея желанья; вѣдалъ онъ,
„Что быть не могъ ея супругомъ,
„Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ, —
„И обольщенная упала
„На грудь убійцы своего!
„Кромѣ любви, она не знала,
„Она не знала ничего...

XXVI.

„Но скоро скуку пресыщенья
„Постигъ виновный Измаилъ.
„Таиться не было терпѣнья.
„Когда погасъ минутный пылъ,
„Оставилъ жертву обольститель
„И удалился въ край родной,
„Забывъ, что есть на небѣ мститель,
„А на землѣ еще другой!
„Моя рука его отыщетъ
„Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
„И казни грозный мечъ просвищетъ
„Надъ непреклонной головой.
„Пусть ликъ одежда измѣняетъ:
„Не взоръ — душа врага узнаетъ!...

XXVII.

„Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
„Какъ справедлива месть моя.
„Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
„Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ...
„О, если бъ могъ пересказать я,
„Изобразить ужасный часъ,

„Когда прелестное созданье
„Я въ униженьи увидалъ
„И безотчетное страданье
„Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!...
„Она разсудокъ потеряла:
„Рядилась, пѣла и плясала,
„Иль, сидя молча у окна,
„По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
„Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
„Ждала измѣнника она.
„Вся жизнь погибшей дѣвы милой
„Остановилась на быломъ;
„Ея безумье даже было
„Любовь къ нему и мысль о немъ...
„Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!...“
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну, —
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый
Что подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады),
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ ты, земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоютъ тѣхъ минутъ...

Лишь дунетъ вихрь — и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ обращаетъ въ пытку Прометея!
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ;
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ!...

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою,
И по челу провелъ рукою:
Но грусть — жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица

Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ,
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшать, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли, —
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку русскаго схватилъ, —
И кто бы, кто не удивился? —
По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

„Прощай! ты можешь безопасно
„Теперь идти въ шатры свои.
„Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
„Ты хочешь потопить въ крови
„Свою печаль! Страшись, быть можетъ,
„Раскаянье прибавишь къ ней.
„Болѣзни этой не поможетъ
„Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
„Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
„Ты губишь прелесть юныхъ дней.
„Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
„Главы постигнутой ужъ рокомъ!
„Онъ палачамъ судей земныхъ
„Не уступаетъ жертвъ своихъ!
„Твоя бъ рука не устрашила
„Того, кто борется съ судьбой:
„Ты худо знаешь Измаила;
„Смотри жъ: онъ здѣсь, передъ тобой!“
И съ видомъ гордаго презрѣнья

Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ. —
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава, иль могила,
Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ!
Но не могла бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбэкъ!
(Таковъ повсюду человѣкъ).

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они. „Конечно,
„Когда исчезнетъ ночи мракъ,
„Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
„Смиритъ враждебныя дружины,
„И вздрогнутъ передъ нимъ они,
„Какъ Росламбэкъ и узденн!“
Такъ пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ, —
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ — хоть могилу;
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной,
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно бъ было отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

[redacted]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

—

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись черкесъ! и западъ и востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!
Настанетъ часъ — и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ!

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты.
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей; —
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою, —
Но жены горъ не съ женскою душою!
За поцалуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ...

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбэкъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ,
Но у него коварныя есть думы, —
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ? — Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они — какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ!
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:
И не родной аулъ, — родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...

Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ здѣсь и тамъ,
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ ихъ двоихъ
Недвижныхъ также, — но живыхъ!...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно — Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ —
И веселъ трудъ ему и страхъ!

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей,
И на кольчугѣ боевой
Ему не жостко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ,

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился.
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ,
„Ты могъ забыть? — любви ненужно
„Одной лишь нѣжности наружной...
„Оставь же!“ сонный говорилъ

— Кого оставить? — князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: „Къ чему сомнѣнье?
„На всемъ лежитъ его презрѣнье...
„Увы! что значитъ передъ нимъ
„Простая дѣва, иль Селимъ?
„Такъ будетъ вѣчно между нами...
„Зачѣмъ безцѣнными устами
„Онъ это имя освятилъ?“
— Не я ль? подумалъ Измаилъ:
И, погодя, онъ слышитъ снова:
„Ужасно, Боже! для дѣтей
„Проклятіе отца роднаго,
„Когда на склонѣ позднихъ дней
„Оставленъ ими... но страшнѣй
„Его слеза...“ Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья
И улетѣлъ. — Изъ состраданья,
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
(Примѣта явная печали),
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
И, съ быстротой отворотясь,

Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ — и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
радость и печаль — все призракъ ложный;
память о добрѣ и злѣ — все ядъ:
льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ,
сердце утѣшать добро не можетъ,
гдѣ они, покорствуя страстямъ,
каянье одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры: сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,

И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряяся въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
„Они! они!“ онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли раждался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой, —
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бъ впередъ идти.

XII.

Толпа джигитовъ* удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измучеиныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь —
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе — не страхъ,
Не власть его основа — мнѣнье;
„Какія вѣсти!“ — Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю,
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! „Кто не любитъ волю?“
Молчатъ. „Такъ дайте жъ отдохнуть
„Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
„Въ бою мы рады лечь костями;

* Наѣздники.

„Чего же лучшаго намъ ждать? —
„Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
„Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...“

XIII.

Блѣднѣетъ юноша, и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
„Нѣтъ“ говоритъ онъ: „я повсюду
„Въ изгнаньѣ, въ битвѣ — спутникъ твой;
„Нѣтъ, клятвы я не позабуду —
„Угаснуть или жить съ тобой!
„Не робокъ я подъ свистомъ пули —
„Ты видѣлъ это, Измаилъ;
„Меня враги не ужаснули,
„Когда ты, князь, со мною былъ!
„И съ твоего чела не я ли
„Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
„Когда друзья твои бѣжали,
„Чьи рѣчи, ласки прогоняли
„Суровый мракъ твоей печали?
„Мои слова! моя любовь!
„Возьми, возьми меня съ собою!
„Ты знаешь я владѣть стрѣлою
„Могу... И что мнѣ смерть? — О, нѣтъ!
„Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
„Моя душа не дорожила;
„Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ, —
„Но не оставлю Измаила!“

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ

За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ!
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять.

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони,
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погружонъ
Въ мечтанье горестное онъ:
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: „Навѣрно,
„Тебя терзаетъ духъ пещерный!
„Дай, пѣсню я тебѣ спою;
„Нерѣдко дѣва молодая
„Ее поетъ въ моемъ краю;
„На битву друга отпуская,
„Она печальна; но другой
„Я не слыхалъ въ странѣ родной.
„Ее пѣвала мать родная
„Надъ колыбелію моей.
„Ты, слушая, забудешь муки,
„И на глаза навѣютъ звуки;
„Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней!“
Селимъ запѣлъ и ночь кругомъ внимаетъ:
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
И юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ
И дѣва ему говоритъ:

„Мой милый! смѣлѣе
„Ввѣряйся ты року,
„Молися Востоку,
„Будь вѣренъ пророку,
„Любви будь вѣрнѣе!

„Всегда награжденъ
„Кто любитъ до гроба;
„Ни зависть, ни злоба
„Ему не законъ;
„Пускай его смерть и погубитъ:
„Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

„Любви измѣнившій —
„Измѣной кровавой,
„Врага не сразивши —
„Погибнетъ безъ славы;
„Дожди его ранъ не обмоютъ
„И звѣри костей не зароютъ!“

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ!...

„Прочь эту пѣсню!“ какъ безумный
Воскликнулъ князь: „зачѣмъ упрекъ?...
„Тебя ль послушаетъ пророкъ?...
„Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
„Твои слова я заглушу,
„И разорву ея оковы,
„И память въ сердцѣ удушу...
„Вставайте! Какъ? вы не готовы?...
„Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!...
„Друзья, коней!... Вы не слыхали!
„Удары, топотъ, визгъ ядра
„И крикъ, и трескъ разбитой стали.
„Я слышалъ... О, не пой, не пой!
„Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что же?
„Ты недовольна? Боже, Боже!...
„Зачѣмъ казнить ея рукой?...“
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный.
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутится твердой могъ душою? —
И понялъ наконецъ Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ — и звукъ проснулся
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснувшихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, крики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышетъ буйстомъ и войной!
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами;
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь,
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ и, будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,
Крутится, вьется на скалу,
Онъ бѣлъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтитъ могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ,
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полденъ знойный,
Плыветъ отважно и спокойно, —
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимой,

Такъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ!

XVIII.

Ужъ близко роковое поле
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?...
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ, —
И пушекъ голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
„Впередъ!“ воскликнулъ онъ: „за мною!“
Сказалъ — и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель:
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ
Ихъ часовые увидали, —
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшатъ на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,

Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось, надежды нѣтъ.
Черкесъ, читай свой молитвы!
Въ крови твой шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ! — онъ имъ знакомъ
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ и видятъ надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Не долго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавой
Межъ ихъ рядами видѣнъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ;
Не видятъ блескъ ея враги,
И беззащитно умираютъ!
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь:
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что жъ? его хранитъ пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

XXI.

Далеко отъ сраженья межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ
Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ исдохшій конь, и передъ нимъ
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки, и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ.
Его печаль — была печаль героя!
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подбѣжалъ Селимъ
(Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы).

XXII.

— Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся? — „Если хочешь знать,
„Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
„Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
„Гдѣ гровью облитъ мертвый и живой
„Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
„Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя.
„Его шишакъ и конь — вотъ наше знамя!
„Онъ тамъ: какъ духъ, разитъ и невредимъ
„И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!“
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы!

XXIII.

Кто этотъ русскій, съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ!

Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ:
Онъ ищетъ Измаила и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно: обманулся
Его свинецъ! — но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: „Ты вновь передо мной!...“
Свидѣтель Богъ: не я тому виной!...“
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И, отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый
Всталъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро, обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Не долго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено!

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки:
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки;
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ во слѣдъ
И никому пощады нѣтъ!
Но что жъ? побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ; —
И предъ глазами Измаила,
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...

Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесъ, и въ горы за собою —
Какъ ни противился сѣдокъ —
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго смятенья
Среди всеобщаго движенья
Не упустилъ младой Селимъ!
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда!
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,

Мы забываемъ свѣтъ, и въ даль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный,
И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ;
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ — побѣдить!
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу!

XXVI.

Онъ раненъ! кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышетъ.
Одинъ Селимъ не отстаетъ;
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ:
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее „прости“
Его бы съ жизнью разлучило!
Будь передъ міромъ онъ злодѣй —
Что для любви слова людей?
Что ей Небесъ опредѣленье?

Нѣтъ, охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони;
Между приваломъ и горой
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шашки задѣвая,
И, съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣетъ серна молодая...
Налѣво — пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Никѣмъ невидимый потокъ,
Внизу свирѣпъ и одинокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи — враждебный геній
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ,
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,

Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнится, что подъ солнцемъ Юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ!

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ...
Пылаетъ солнце высоко,
Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ прикрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной;
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скалу, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая.
Лежалъ безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,

Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать — прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила? —
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ —
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ!...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ!
Зоветъ — и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она, —
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой:
„О, пощади его... постой!“
Воскликнулъ онъ: „я вижу ясно,
„Что ты пришла меня лишить
„Того, кого люблю такъ страстно,
„Кого слабѣй нельзя любить!
„Ступай, ищи другихъ по свѣту!
„Всѣ жертвы бога твоего!...
„Ужель меня несчастнѣй нѣту,
„И нѣтъ виновнѣе его?“

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій.
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ —
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ,
Взглянулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ жъ другъ послѣдній? гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ? —
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ:
Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ.
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ —
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, Небо, Небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль!
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая

Межъ дѣвъ твоихъ? и плачетъ ли она,
И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцаловалъ онъ нѣжныя ланиты —
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила, —
Смущаютъ Зару ласки Измаила.
Но сердцу какъ ума не соблазнить?
И какъ любви стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она!
Во всей природѣ дышетъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье!

Прошло два года, все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.

Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее „прости" съ слезами муки,
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ —
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ:
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ, — Западъ дальній
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...
Но что за выстрѣлъ... Дымъ взвился бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простерый на землѣ
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ

На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ, и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла,
Его лица оставить не успѣла!
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный!
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой:
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной!...
Гремучій ключъ катился не вдали,
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою,
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ? какой-то локонъ золотой,
(Конечно талисманъ земли чужой),
Подъ грубою одеждою измятый,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой,
Блистали на груди у мертвеца!...

1833.

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Великъ, богатъ аулъ Джематъ.
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна — ручной булатъ,
Его мечеть — на полѣ брани.
Его свободные сыны
Въ огнѣ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ;
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горящихъ паръ струится;
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,

Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ, — только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
„Три нѣжныхъ дочери, три сына
„Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
„Но бури злыя разразились,
„И вѣтви древа обвалились;
„И я стою теперь одинъ,
„Какъ голый пенъ среди долинъ.
„Увы, я старъ! Мои сѣдины
„Бѣлѣе снѣга той вершины,
„Но и подъ снѣгомъ иногда
„Бѣжитъ кипучая вода!...
„Сюда, наѣздники Джемата!
„Откройте удаль мнѣ свою!
„Кто знаетъ князя Бей-Булата?
„Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
„Въ плѣну сестры ея увяли,
„Въ бою неровномъ братья пали;
„Въ чужбинѣ двое, а меньшой
„Пронзенъ штыкомъ передо мной;
„Онъ улыбался умирая!
„Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
„Къ нему слетѣла предъ концомъ,

„Махая радужнымъ вѣнцомъ,...
„И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
„Съ послѣдней дочерью своей.
„Ее хранилъ я какъ святыню;
„Все, что имѣлъ я, было въ ней:
„Я взялъ съ собою лишь ее,
„Да неизмѣнное ружье.
„Въ пещерѣ съ ней я поселился,
„Родимой хижины лишенъ;
„Къ бѣдѣ я скоро пріучился,
„Давно былъ къ волѣ пріученъ.
„Но часъ ударилъ неизбѣжный, —
„И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!...
„Однажды ночь была глухая,
„Я спалъ... Безмолвно надо мной,
„Зеленой вѣткою махая,
„Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
„Вдругъ просыпаюсь!... слышу: шопотъ, —
„И слабый крикъ, — и конскій топотъ...
„Бѣгу и вижу — подъ горой
„Несется всадникъ съ быстротой,
„Схвативъ ее въ свои объятья.
„Я съ нимъ послалъ свои проклятья.
„О! для чего второй гонецъ
„Настичь не могъ ихъ — мой свинецъ!
„Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
„Безъ силъ отмстить за свой позоръ.
„Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
„Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
„И нѣтъ покоя для меня
„Съ того мучительнаго дня...
„Сюда, наѣздники Джемата!
„Откройте удалъ мнѣ свою!
„Кто знаетъ князя Бей-Булата?
„Кто привезетъ мнѣ дочь мою?“

„Я!“ молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій, —

И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

— „Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь.“

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ, надъ путемъ,
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ!
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣсни той.

Есть поворотъ — и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты

Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутаго ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата,
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно въ даль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневнаго,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна,
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ восторжена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ,
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О! гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась, —
И дѣва шепчетъ: „это князь!“

Легко надежда утѣшаетъ,
Легко обманываетъ глазъ;
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ.
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый,
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтки молодой,
Измятый лѣтнею порой.

„Что медлишь, путникъ, у порога?
„Слѣзай съ походнаго коня.
„Случайный гость — подарокъ Бога.
„Кумысъ и медъ есть у меня.
„Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
„Почти же кровлю Бей-Булата!
„Когда опять поѣдешь въ путь,
„Въ молитвѣ насъ не позабудь!“

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ —
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕИЛА.

Скажи: онъ веселъ? онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ. .

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?....

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ АБРЕКЪ (тихо).

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ, въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза какъ звѣзды блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ,
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката, —
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ, — и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
„Развеселись, мой гость унылый!
„Судьба и горе — все мечта!

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Довольно. Перестань, Леила;
На мигъ веселье позабудь,

Скажи: уже ль когда нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕИЛА.

Нѣтъ. Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ, — счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
И только хочетъ слезъ да крови...

Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ — такъ было суждено —
Погибъ отъ пули Бей-Булата,
Погибъ безъ славы, не въ бою, —
Какъ звѣрь лѣсной — врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ;
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: „Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!“
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...

Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени,
Передъ жестокимъ излились.
„Ахъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
„Нѣтъ, не смотри такъ! Отвернись!
„По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
„Слова твои... О, Боже мой!
„Ужель ты шутишь надо мной?
„Отвѣтствуй! Ничего не значатъ
„Невинныхъ слезы предъ тобой?
„О, сжалься!... Говори — какъ плачутъ
„Въ твоей родимой сторонѣ?...
„Погибнуть рано, рано мнѣ!...
„Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
„Ты зналъ ли, что такое радость?
„Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
„Любимъ, какъ я! О, вѣрно, нѣтъ!“

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

„Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
„Ни слезъ, жестокій, не видать...
„Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!...
„Хоть часъ одинъ!... одно мгновенье!...“

Блеснула шашка. Разъ, — и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою

Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно, —
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Пгру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится, — мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ремянный поводъ натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебѣ во слѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но, если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы — теперь.

„Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
„Зачѣмъ глядишь передъ собой?
„То камень, сглаженный потокомъ...

„То змѣй блистаетъ чешуей...
„Твоею гривой, въ полѣ брани,
„Стиралъ я кровь съ могучей длани;
„Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
„Уже не разъ меня ты спасъ.
„Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
„Твою уздечку еще болѣ
„Обвѣшу русскимъ серебромъ;
„И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
„Давно ль, давно ль ты измѣнился,
„Скажи, товарищъ дорогой,
„Что рано пѣною покрылся?
„Что тяжко дышешь подо мной?
„Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
„Верхи деревъ осеребритъ,
„И намъ откроется поляна,
„Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ,
„Заблещутъ, издали мелькая,
„Огни жематскихъ пастуховъ,
„И различимъ мы, подъѣзжая,
„Глухое ржанье табуновъ; —
„И кони вкругъ тебя столпятся...
„Но стоитъ мнѣ лишь приподняться —
„Они въ испугѣ захрапятъ
„И всѣ шарахнутся назадъ:
„Они почуютъ издалека,
„Что мы съ тобою дѣти рока!...“

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекій
Устремлены съ тоской глубокой.

„Кто этотъ всадникъ? Бережливо
„Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
„Его товарищъ долгогривый
„Поникъ усталой головой.
„Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
„Онъ что-то держитъ осторожно,
„И бережетъ, какъ свѣтъ очей."
И думаетъ старикъ согбенный:
„Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
„Отъ милой дочери моей!"

Ужъ всадникъ близокъ: подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою,
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ, — и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ, — Боже правый!
Своей Леилы голову!...
И онъ, въ безумномъ восхищеньи,
Къ своимъ устамъ ее прижалъ;
Какъ-будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:

Взглянулъ на шашку, на коня, —
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя, —
Два друга съ виду, — два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта, —
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лице порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ:
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другаго не узналъ.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА.

Царю Небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,

Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ * глазъ,
Какъ можно рѣже,
Тамъ видитъ насъ.
Еще моленье
Позволь послать —
Дай, въ воскресенье,
Мнѣ опоздать!

Бывшій въ то время командиръ юнкерскаго эскад-

1834.

ИЗЪ ТРАГЕДІИ „МАСКАРАДЪ“.

„Когда печалъ слезой невольной
„Промчится по глазамъ твоимъ,
„Мнѣ видѣть и понять не больно,
„Что ты несчастлива съ другимъ.
„Незримый червь незримо гложетъ
„Жизнь беззащитную твою,
„И что жъ? я радъ, что онъ не можетъ,
„Тебѣ любить, какъ я люблю.
„Но если счастіе случайно
„Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
„Тогда я мучусь горько, тайно,
„И цѣлый адъ въ груди моей.“

1836.

ДВА ВЕЛИКАНА.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣриться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ —
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій — и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальномъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ

J see before me the gladiato
By

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гре
Рукоплесканьями широкая арена, —
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ л
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенато
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актер
И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ, — близокъ часъ... Вотъ лучъ восх
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ
И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для бр
Отца, простертаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣр
Безчувственно толпы минутною забавой...
„Прости, развратный Римъ, — прости, о, край

1839.

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ —
Наслѣдье браннаго Востока.
Чаѣздинку въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Іе по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ колчугу.
ѣбавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
ь тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
ъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
олго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
ерь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
ушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы! безславный и безвредный!
о привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,

И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

1840.

А. О. СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго —
И я, въ смущеніи, молчу.
Что жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

КЪ ПОРТРЕТУ ГРАФИНИ В—ВОЙ Д—ВОЙ.*

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;

* Въ рукописи: „Портретъ свѣтской женщины"

Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ. *

Ей нравиться долго нельзя;
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ — и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ море.

То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
За то не любить невозможно.

М. П. СОЛОМИРСКОЙ.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,

* Варіантъ:
Глаза говорятъ, какъ слова,
И блещутъ обманчивымъ свѣтомъ.

За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньи
Доселъ мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучомъ надежды въ море бѣдъ,
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъимянный,
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ „КУРДЮКОВОЙ

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame де-Курдюковъ.

ИЗЪ АЛЬБОМА

С. Н. КАРАМЗИНОЙ.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей,

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязной
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньемъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ — тихій разговоръ...

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,

Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жъ? — отъ цѣли благородной,
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный;
Но ихъ разгонитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный,
И ласки вѣчныя свои.

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый —
Сердце, какъ птичка
Въ клѣткѣ, запрыгаетъ.

Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе —

Душа къ нимъ на встрѣчу
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И хочется плакать. .
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся. *

---

* Стихотвореніе неотдѣланное.

1836.

КАЗНАЧЕЙША.

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я старовѣромъ —
Мнѣ все равно, я даже радъ:
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку!
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ —
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Т.... въ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари и мостовыя,
Тамъ два трактира есть; одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки...
Короче! славный городокъ —

II.

Но скука, скука, Боже правый! —
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой.
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы — просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ,
И насъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Т....вѣ будетъ зимовать.
Уланы!.. Ахъ, какіе хваты!..
Полковникъ, вѣрно, неженатый,
А ужъ бригадный генералъ,
Конечно, дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
За то, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье; сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Т....въ

IV.

И вотъ, однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда чрезъ пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ — кабакъ:
Уланы справа по-шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

V.

Услышавъ ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,

Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
„Малашка, дура, Катерина!
„Скорѣе туфли и платокъ!
„Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
„Два года ставни отворяютъ....“
Вотъ ставни настежь; цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

„Ахъ, посмотри сюда, кузина,
„Вотъ этотъ!“ — Гдѣ? майоръ? — „О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь — картина!
Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...“
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостиницы Московской —
Притона буйныхъ усачей,
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.

Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли;
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженныхъ березки,
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ —
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ).
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ Т....скихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его крапленныя колоды
Не разъ невинные доходы

Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса,
Губернскій врачъ, судья, исправникъ —
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, со стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто.
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ, иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямъ, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронетъ землю башмачокъ.
Въ Т....вѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.

Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки —
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто *р* произносила;
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ!...

XIII.

Для большей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чѣмъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый —

А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

И такъ Т.....ская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы...
Что жъ? — знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый,
(Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ)
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ;
Штабъ-ротмистръ; строенъ какъ корнетъ:
Взоръ пылкій, усъ довольно-черный,
Короче — идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ;
Съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья,
Какъ птичка Божія, онъ жилъ.
Онъ спать, лежать привыкъ; не вѣдать
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтеромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными несмущаемъ,
Онъ не терялся никогда.
Бывало, въ дѣлѣ подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ.
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать.
Не дѣлалъ странныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни:
А не смотря на то, друзья!
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
Таковъ-то былъ штабъ-ротмистръ Гаринъ
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Т.....ва
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ немало онъ смѣшнаго —
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;

Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся, иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
„Бѣдняжка!“ думаетъ уланъ:
„Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ,
Тебя стеречь; и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!“

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится.
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.
На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой —
Даръ молдованки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ, промелькнувши, какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный,
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Что жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую

Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница ль у ней?...
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ —
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати лъ было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной
И вдругъ — какой позоръ и срамъ!
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина — безъ мундира.
Скорѣй, штабъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ?
И по-дѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь —
Онъ молвилъ: „Что жъ? начало есть..“

XXII.

Два дня окно не отворялось;
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.

Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора —
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собралъ запасъ душевныхъ силъ:
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завелся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви — языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный!
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты чудный, и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять,
Отправится ль она къ обѣдни —
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній;
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ все время не крестясь
Лучомъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:

Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ —
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвѣлъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!...
Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. „Пора къ развязкѣ!"
Такъ говорилъ любовникъ мой.
„Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой."
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей. — Что это? — „Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ;
Самъ не пріѣхалъ; много дѣлъ-съ;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать. —
Онъ самъ изволилъ такъ сказать."
— Ступай, скажи, что я пріѣду. —
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель —
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себѣ изрядно,
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ;
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все етаринное — смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О! скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка роднаго,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ, у лѣска,
Бросаетъ лучъ исподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабъ-ротмистръ удалой:
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ — не знаю, какъ случилось,
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ началися извиненья
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ —
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она, въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
ѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
евинной дружбы тяжкій опытъ
му рѣшилась предложить —
аковъ обычай деревенскій;
омучить — способъ самый женскій.
о ужъ давно извѣстна намъ
обовь друзей и дружба дамъ!
акое адское мученье
дѣть весь вечеръ tête-à-tête,
ъ красавицей въ восьмнадцать лѣтъ!

XXXII.

Вобще, я могъ, въ году послѣднемъ,
ъ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
мѣтить страстъ къ воздушнымъ бреднямъ
ль мистицизму. Бойтесь ихъ!
акая мудрая супруга,
ъ часы любовнаго досуга,
мъ другъ захочетъ доказать,
то 2 и 3 совсѣмъ не пять,
ль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
агнитизировать начнетъ —
счастливъ мужъ, коли заснетъ!...
оды подобныхъ замѣчаній,
онечно бъ, могъ не вѣдать міръ,
о польза, польза — мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
ть это былъ блестящій балъ.

Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы!...
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забытъ любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ.

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву —
Все тотъ же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна — разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. „Кто тамъ?"
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..."
Вотъ чей-то шагъ — и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете конечно
Кто этотъ гостъ нежданный былъ.
Немного, можетъ быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодёжь.
Кивнувъ легонько головою,

Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

„Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что въ страсти значитъ день, что часъ!
Среди сердечнаго волненья
Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь — на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ —
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ — скажи, скажи!...“

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгараясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ.,. Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой —
И, вспыхнувъ вся, она рукой

Толкнула прочь его: „Довольно!
Молчите, слушать не хочу!
Оставите ль? я закричу!“

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не шутка — какъ ни говори —
А просто́, женское упорство,
Капризы — чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь — и въ дверяхъ супругъ.
Красотка „ахъ!“ Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ имянинникъ — будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой
Весь день проводитъ онъ въ волненьи.
Насталъ и вечеръ наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
Домъ полонъ; что за освѣщенье!
А все — засунуть, или нѣтъ,
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ друга чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она — „да-съ", „нѣтъ-съ" и замолчитъ...
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшитъ намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшитъ нигдѣ не надо.
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ-нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орёлъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Уже ль исчезъ ты возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,

И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда нибудь,
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ —
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ,
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! Хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
Сажаетъ, подчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
„Іуда!“ мыслитъ мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бабковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ Т....ій
Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ,

Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ;
А вотъ уѣздный предводитель,
Весь спрятанъ въ галстухъ — фракъ до пят
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ... но
О немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушеный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ;
Нетесаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ!
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ какъ велятъ —
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были .. но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ незвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ, чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился.
Онъ все проигрывалъ до-тла.

Въ ушахъ его дана, взяла
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился —
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что въ немъ, или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче — все, все до-чиста.
Отчаянный и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за-полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей.

XLVIII.

И проситъ важно позволенья,
Лишь только прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье
Иль „проиграть ужъ и жену".
О, страхъ! о, ужасъ! о, злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. Очень радъ"
Онъ говоритъ: „пускай шумятъ;
Мы дѣло кончимъ полюбовно;

Но только, чуръ, не плутовать —
Иначе, вамъ не сдобровать!"

XLIX.

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ,
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя.
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой, — вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалекѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

L.

Что въ ней тогда происходило —
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы по-неволѣ бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ? — вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась —
И жребій вышелъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла —
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь —
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ни чуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лице
Свое вѣнчальное кольцо, —

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ разсчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный,
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ;
Улана проклялъ милый полъ —
За что, — мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки — выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія страстей?
Повсюду ищутъ нынче драмы,
Всѣ просятъ крови — даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ;
Простымъ, нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья. Покамѣстъ будетъ съ васъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.

1831.

Ангелъ 3

1829 — 1834.

Демонъ 5

1836.

Русалка 47
Вѣтка Палестины 49
Еврейская мелодія 50
Въ Альбомъ 51

1837.

На смерть Пушкина 52
Пѣсня. 55
Бородино 70
Узникъ 74
Молитва 75
Сосѣдъ 76

1838.

Дума . . . . . .

1839.

Молитва . . . . . .
Три Пальмы . . . . . .
Дары Терека . . . . . .
Не вѣрь себѣ . . . . . .
Памяти А. И. О—го . . . . . .
Мцыри . . . . . .

1840.

Первое Января . . . . . .
Казачья колыбельная пѣсня . . . . . .
Журналистъ, читатель и писатель . . . . . .
Воздушный корабль . . . . . .
И скучно и грустно . . . . . .
Ребенку . . . . . .
Отъ чего . . . . . .
Благодарность . . . . . .
Изъ Гёте . . . . . .
Тучи . . . . . .
Сосна . . . . . .
На свѣтскія цѣпи . . . . . .
Любовь мертвеца . . . . . .

1841.

Есть рѣчи, значенье . . . . . .
Завѣщаніе . . . . . .
Оправданіе . . . . . .
Родина . . . . . .
Послѣднее новоселье . . . . . .
Кинжалъ . . . . . .
Плѣнный рыцарь . . . . . .
Парусъ . . . . . .
Желаніе . . . . . .
Сосѣдка . . . . . .
Договоръ . . . . . .

С

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою 1
Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски . . 1
Не плачь, не плачь, мое дитя 1
Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима 1
Казбеку 1
Видъ горъ изъ степей Козлова 1
Бѣглецъ 1
Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный 1
На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ . 1
Валерикъ 1
Сказка для дѣтей 1
Сонъ 1
Тамара 1
Утесъ 1
Выхожу одинъ я на дорогу 1
Морская царевна 1
Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой . 1
Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю 1
Пророкъ 1
Свиданіе 1
Споръ 1
Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно . 1

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

	Стр.
Посвященіе	3
Посвященіе	4
Два Посвященія къ Поэмѣ „Демонъ“	4
Посвященіе къ Поэмѣ Демонъ	7
Первый очеркъ Демона	9
Второй очеркъ Демона	14
Третій очеркъ Демона	30

1829.

Пиръ	34
Портретъ	34
Къ Генію	35
Письмо	37
Русская Мелодія	37
Къ ***	38
Къ N. N.	39
Къ Гр..нову	39
Два сокола	39
Грузинская пѣсня	41
Мой Демонъ	41
Преступникъ	42
Монологъ	48
Молитва	48

Ст

1830 — 1831.

Ангелъ Смерти 5

1830.

Настанетъ день, и міромъ осужденный 6
К...Д... 6
Пѣсня 6
Силуэтъ 6
Додо 7
Къ*** 7
Романсъ 7
Прелестницѣ 7
Had we never lowed so kindly 7
Эпитафія 7
Эпитафія 7
Черноокой 7
Благодарность 8
Кавказъ 8
1830 года, Іюля 15. Москва 8
Незабудка 8

1835.

Бояринъ Орша 9

1830 — 1831.

Въ верху одна 19
Бородино 19
1831 года, Іюня 11 19
М. Ф. М.....вой 19
Смерть 19
Въ Воскресенскѣ 19
Прости 19
Желаніе 19
Св. Елена 19
Къ другу В. Ш 19

Стр.
7го Августа. въ деревнѣ 149
Атаманъ 150
Исповѣдь 152
Чаша жизни 153
Къ Л*** 154
Воля 155
Стансы къ Д*** 159
Къ портрету стараго гусара 162
Къ Бухарову 162
Къ Пріятелю 163
Одиннадцатаго Іюля 164
Романсъ къ*** 165
Когда весной разбитый ледъ 165
На картину Рембрандта 166
Волны и люди 167
Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей 167
Смерть 168

1832.

Морякъ 170
Литвинка 172
Аулъ-Бастунджи 175
Каллы 177
Измаилъ-Бей 179

1833.

Хаджи Абрекъ 252
Юнкерская Молитва 266

1834.

Изъ трагедіи „Маскарадъ“ 268

1836.

Два Великана 269
Умирающій гладіаторъ 270

Ст

1839.

Поэтъ 2

1840.

А. О. Смирновой 2
Къ портрету Графини В—Вой Д—Вой 2
М. П. Соломирской 2
Въ альбомъ автору „Курдюковой“ 2
Изъ Альбома 2
Графинѣ Ростопчиной 2
Слишу ли голосъ твой 2

1836

Казначейша 2

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Петца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.